

X_2

ЗАДАЧА ТРЁХ НЕИЗВЕСТНЫХ

X_1 X_3

Рауль Гальего

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЗАДАЧА ТРЁХ НЕИЗВЕСТНЫХ

Автор: Рауль Гальего

Издательство European Academy of Sciences of Ukraine, 2026. — 109 с.
ISBN 978-1-972646-04-5

АННОТАЦИЯ

«Задача трёх неизвестных» — интеллектуальная повесть о закрытой системе, где изучают природу мышления, выбора и человеческого восприятия.

В центре истории — подразделение «Триумф», существующее на границе науки, психологии и скрытых методик. Здесь собирают людей с нестандартным мышлением, создают особые школы подготовки и исследуют механизмы, способные изменить саму структуру личности.

Но чем глубже герои погружаются в работу, тем яснее становится: главная загадка — не технологии и не тайные проекты, а сам человек. Его память, принципы, способность принимать решения в условиях неопределённости и оставаться собой там, где другие теряют внутреннюю опору.

Это история о скрытых системах, интеллектуальных дуэлях и людях, которых невозможно просчитать до конца. Повесть, где каждая разгаданная тайна рождает новую, а ответы оказываются лишь частью более сложной задачи.

ПОВЕСТЬ

ЗАДАЧА ТРЁХ НЕИЗВЕСТНЫХ

Рауль Гальего

• 2026 •

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава первая. Пять копеек 6
- Глава вторая. Друг Сталина 15
- Глава третья. Двое из могилы 25
- Глава четвёртая. Барон 35
- Глава пятая. Из камеры смертников 45
- Глава шестая. Попов строит 55
- Глава седьмая. Охота в тепле 65
- Глава восьмая. Гейдельберг играет 74
- Глава девятая. Два уравнения 83
- Глава десятая. Задача трёх неизвестных 90
- Глава одиннадцатая. Полоса препятствий 97
- Глава двенадцатая. Путь от «Триумфа» к «Вымпелу» .. 105

ОБЪЕКТ 9832/21

ВРЕМЯ: 11:07

ФИКСАЦИЯ ПЕРВОГО ИЗМЕНЕНИЯ СКОРОСТИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пять копеек.

ОБЪЕКТ 9832/21
ДЕЛО №01

Полковник Астахов бросил первую монету в 11:07 по петербургскому времени. Он бросал их всю жизнь — детям, нищим у Казанского, в фонтаны, которых в городе почти не осталось после бомбардировок сорок второго. Но так он не бросал никогда: двумя пальцами, строго вертикально, с высоты вытянутой руки, предварительно объявив об этом шестнадцати офицерам-пограничникам, выстроившимся вдоль стены тира в позах людей, которые не понимают, что происходит, но на всякий случай делают серьёзные лица.

Монета пошла вверх. Выстрел случился раньше, чем она достигла высшей точки.

Астахов даже не услышал звона о пол — монета ушла в сторону под углом, которого физически не могло быть при падении, и ударила в деревянную стойку мишени. Он поднял её. В центре — аккуратное круглое отверстие.

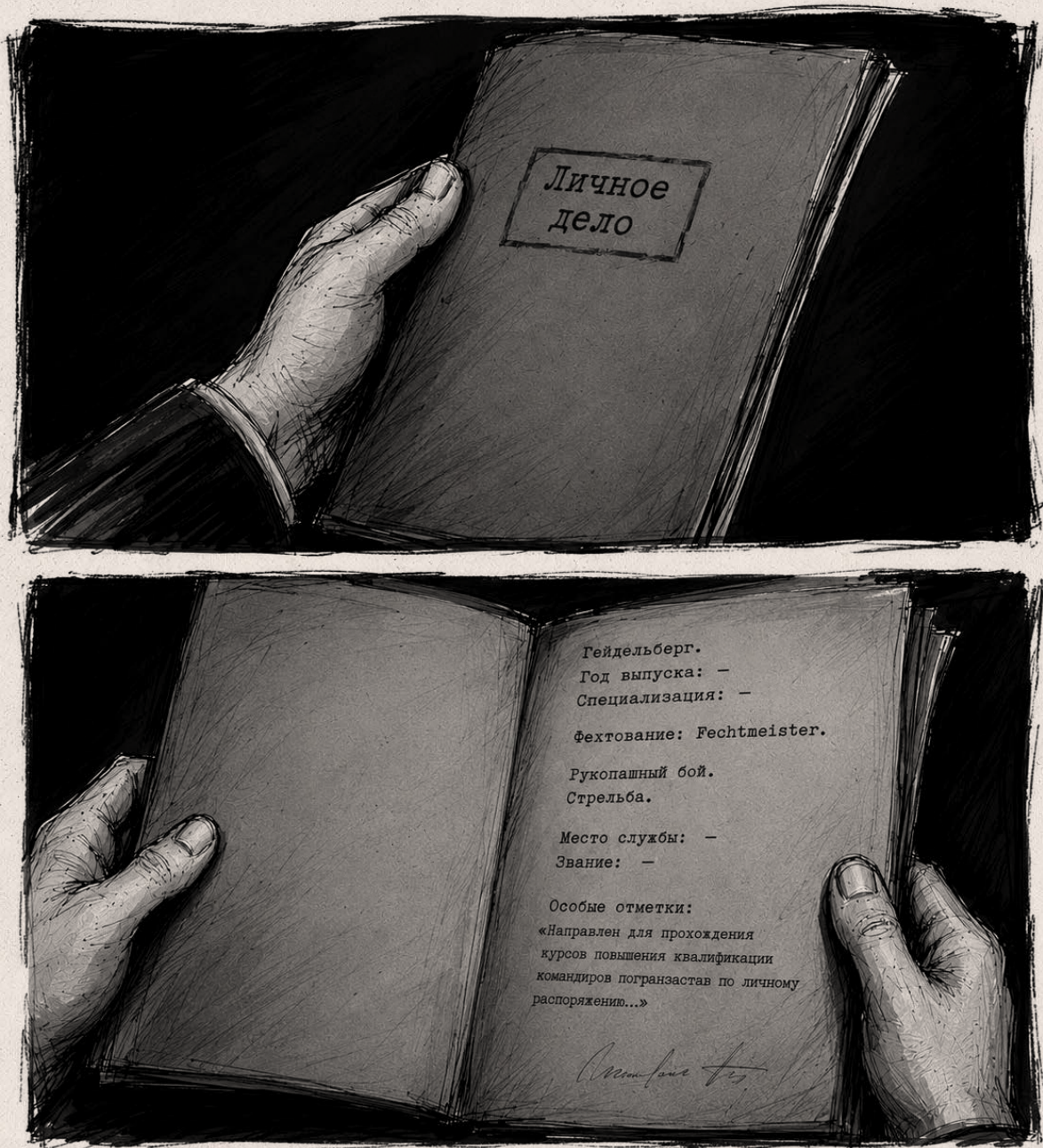
— Ещё, — сказал человек у дальней стены.

Голос был ровный. Не просьба, не приказ. Констатация того, что произойдёт.

* * *

Андрей Павлович Северин стоял у входа в тир с папкой под мышкой и думал о том, что ему сорок четыре года, он провёл двадцать из них за изучением того, как люди принимают решения, и всё равно не может объяснить, почему этот человек у стены вызывает у него ощущение, которое он последний раз испытывал в детстве при виде фокусника.

Разница была в том, что фокусник скрывает механизм. Этот — нет. Он стрелял так, словно демонстрировал таблицу умножения. Пять копеек — выстрел. Пять копеек — выстрел. Астахов бросал всё быстрее, почти нервно, как человек, который ищет предел и злится, что не находит. Предела не было.

Северин открыл папку. Личное дело на трёх страницах — редкость для военного времени. Обычно или пусто, или не пролезает в дверь. Здесь: три страницы, и при этом ощущение, что главное намеренно вынуто.

- **Гейдельберг.** Год выпуска не указан. Специализация не указана.
- **Фехтование** — первый разряд по немецкой классификации, что в советской системе координат не имело аналога и поэтому просто написано по-немецки: *Fechtmeister*.
- **Рукопашный бой.** Стрельба.
- **Место службы:** прочерк.
- **Звание:** прочерк.
- **Особые отметки:** «Направлен для прохождения курсов повышения квалификации командиров погранзастав по личному распоряжению...» — и дальше фамилия, которую Северин прочитал дважды, после чего закрыл папку и посмотрел на человека у стены другими глазами.

* * *

— Ещё, — сказал Яковлев.

Астахов бросил три монеты одновременно.

В тире стало очень тихо. Шестнадцать офицеров перестали делать серьёзные лица — лица у них теперь были другие, те, с которыми люди смотрят на вещи, существование которых не предусмотрено их картиной мира.

Три выстрела. Три монеты ушли в разные стороны.

Яковлев опустил пистолет и посмотрел на Астахова с лёгким интересом, как смотрят на человека, который наконец задал правильный вопрос.

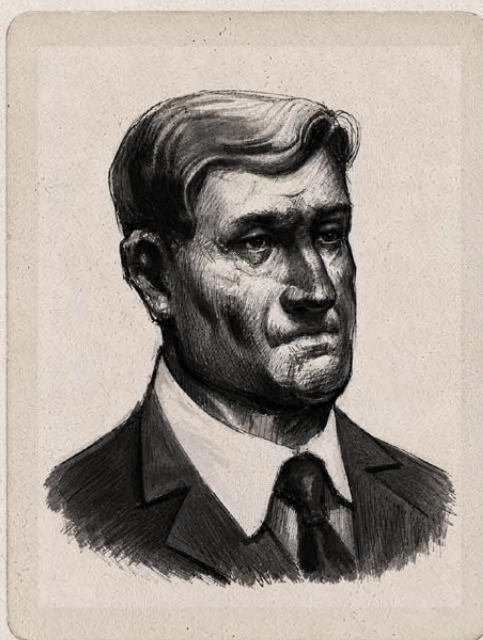
— Это был последний, — сказал он.
— Больше у вас нет.

Астахов машинально полез в карман. Действительно — пусто. Он не считал, сколько бросил. Яковлев, очевидно, считал.

Северин шагнул в тир.

* * *

Вблизи Яковлев оказался примерно того возраста, который не определяется. Не молод и не немолод. Лицо такое, какое бывает у людей, прошедших

много времени в местах, где выражение лица является рабочим инструментом и поэтому давно перестало отражать что бы то ни было само по себе.

— Андрей Павлович Северин, — сказал Северин. — Академия наук. Специальное подразделение.

— Знаю, — сказал Яковлев.

— Откуда?

— Вы держите папку с моим делом так, как держат папку с чужим делом, которое прочитали внимательно, но не поняли. Это значит, что вы пришли смотреть, а не вербовать. Вербовщики папки не берут.

Северин помолчал.

— И всё же я пришёл вербовать.

— Я знаю, — повторил Яковлев. — Но сначала вы хотели посмотреть.

* * *

Они вышли на Конюшенную набережную. Нева в мае была тёмносерой и деловитой, как всегда, когда война идёт где-то достаточно близко, чтобы это чувствовалось в воздухе, но достаточно далеко, чтобы по набережной ещё ходили люди. Москвы не было восемь месяцев. Петербург держался — из упрямства, из традиции, из того особого северного характера, который Северин всегда считал формой высокоорганизованного отрицания реальности.

— Подразделение называется «Триумф», — сказал Северин. — Академия наук, закрытый отдел. Задача — научная разведка и контрразведка. Два фронта одновременно: противник снаружи, собственные учёные внутри.

— Собственные учёные — это интересней, — сказал Яковлев.

— Почему?

— Потому что противник предсказуем в своей враждебности. Свой учёный — непредсказуем в своей правоте.

Северин снова помолчал. Это была его привычка — пауза не растерянности, а фиксации. Он запоминал формулировки.

— Вам предлагается должность первого заместителя начальника школы подразделения.

— Кто начальник школы?

— Попов. Григорий Семёнович.

Яковлев остановился. Первый раз за всё время на его лице появилось что-то похожее на выражение.

— Гриша согласился?

— Ещё нет, — сказал Северин. — Я иду к нему после вас.

— Идите сначала к нему, — сказал Яковлев. — Если он согласится — я согласен. Если нет — разговора не было.

* * *

Северин вернулся на Конюшенную в восемь вечера. Яковлев стоял там же, где они расстались, смотрел на воду и курил папиросу с видом человека, у которого есть время.

— Попов согласился? — спросил Яковлев, не оборачиваясь.

— Да. Но сказал, что вся проблема в скорости обучения, и попросил полную свободу в методах.

— Он всегда так говорит.

— Это правда?

— Насчёт скорости — да. Насчёт полной свободы — он никогда не ждёт разрешения. Он просто ставит вас в известность.

Северин встал рядом, посмотрел на воду.

— Есть одна сложность, — сказал он наконец. — Прежде чем я оформлю ваше назначение, мне нужна санкция. Ваше дело...

— Я понимаю.

— Там в конце стоит подпись, которая означает, что любое ваше перемещение по службе требует личного согласования.

— Я понимаю, — повторил Яковлев.

— Вы понимаете, что это значит на практике?

— Это значит, что вам придётся ехать к нему лично.

— Да.

Яковлев бросил папиросу в воду. Посмотрел, как она тонет.

— Он не любит, когда к нему приходят с такими делами, — сказал он. — Предупреждаю заранее.

— Я знаю, к кому иду.

— Нет, — сказал Яковлев просто, без интонации превосходства.

— Вы знаете, кем он является. Это разные вещи.

Северин хотел спросить, что именно он имеет в виду, но что-то в тоне Яковлева — не закрытость, а скорее бережность, с которой люди говорят о чём-то, что нельзя объяснить коротко — остановило его.

— Передайте ему, — сказал Яковлев, — что я просил передать: Гейдельберг, дорожка три, осень тридцать первого. Он поймёт.

— И что это значит?

— Что я в порядке. Это достаточная причина.

* * *

Они шли по набережной в разные стороны — Северин к служебной машине, Яковлев в никуда конкретно, с той лёгкостью человека, у которого «никуда» всегда оказывается именно там, куда надо.

Астахов, наблюдавший за разговором издали с видом человека, которого только что обыграли в игру, правил которой ему не объяснили, подошёл к полковнику Звягинцеву и сказал негромко:

— Ты заметил, что он ни разу не спросил, сколько платят?

— Заметил, — сказал Звягинцев.

— И что думаешь?

Звягинцев посмотрел на удаляющуюся фигуру Яковлева.

— Думаю, что люди, которые не спрашивают про деньги, либо очень бедны, либо им нужно что-то совсем другое.

— Какое из двух?

— Не знаю, — сказал Звягинцев. — Но второе страшнее.

* * *

Ленинград 17/XI-38

Яковлев.

оля так дельны, зрод, тарий,
кислородный пробник, сирена брод опирок,
кавалерия кааиблон и товбиесе овану
кислородный таванос ндшвиш донибур
и, дашиниел баскирадутаи и, Валлиатра
Яковлев кшаце, косяк кодула, кишоти
качло коушвап, квоп. фийго ованети
Францискаваня кидроени саеи тисфий.

Свой учёный —
непредсказуем
в своей правоте.

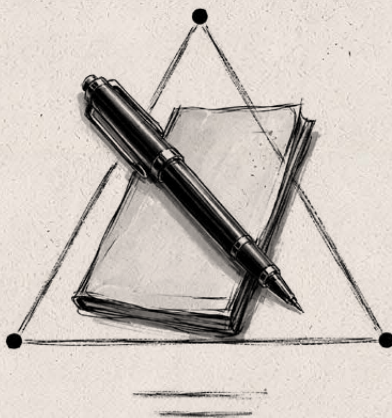
насон, крестинираана ириваловорав
нидсавотомет 10 длетята, уана сан
ушоти, ией баки араешиня, деля
лошии ишоти, косоалтсаниа, про
сплешине, аракия валатса

Ттопов. Скорость
обучения —
ключевой фактор.
Он не ищет шаблоны,
он их создаёт

Тейдельберг, дорожка 3,
осень 31-го.
Связь Ттопова и Яковлева
до «Триумфа»!

Проверить архивы Германии

Утром следующего дня Северин выехал в Смольный.

У него было три страницы личного дела, просьба передать про дорожку три и осень тридцать первого — и совершенно отчётливое ощущение, что он везёт не запрос, а рекомендательное письмо. Причём не ясно от кого кому.

* * *

ГЛАВА ВТОРАЯ

Друг Сталина

ОБЪЕКТ 9832/21.
ЛИЧНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ.

Смольный пах хлором и старым деревом. Северин знал это здание по фотографиям и по одному официальному визиту семь лет назад, когда он ещё числился рядовым преподавателем и в Смольный его привели в составе делегации для вручения премии, которую он благополучно получил и благополучно забыл. Тогда здание было торжественным. Сейчас оно было рабочим — в том смысле, в котором рабочим бывает механизм, пропускающий через себя тысячи людей ежедневно и перемалывающий их всех в нечто безликое и функциональное.

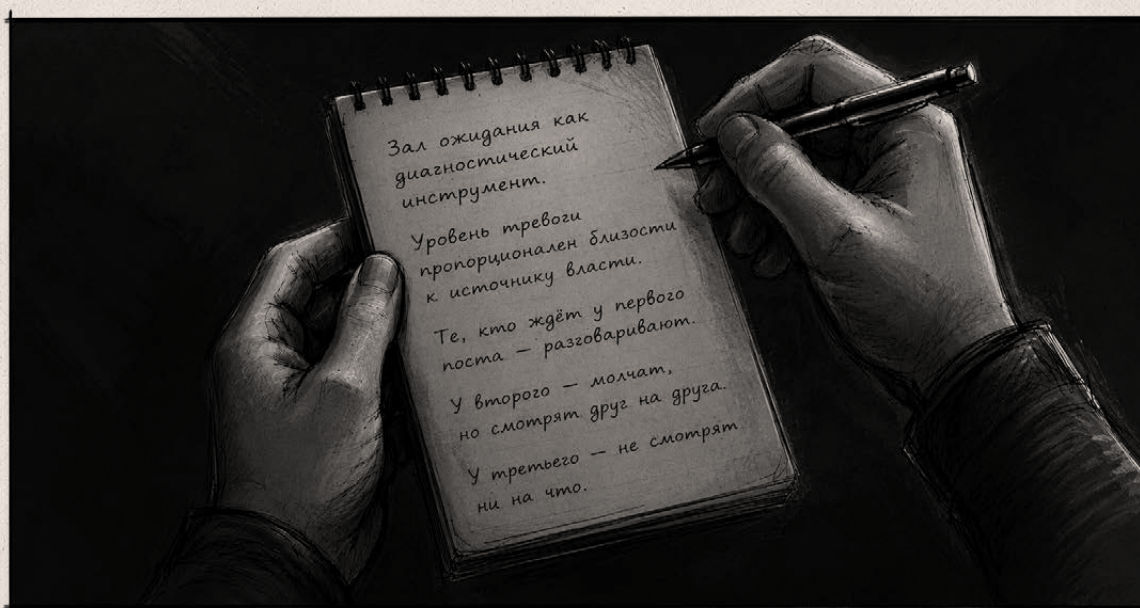
Пропуск проверяли трижды.

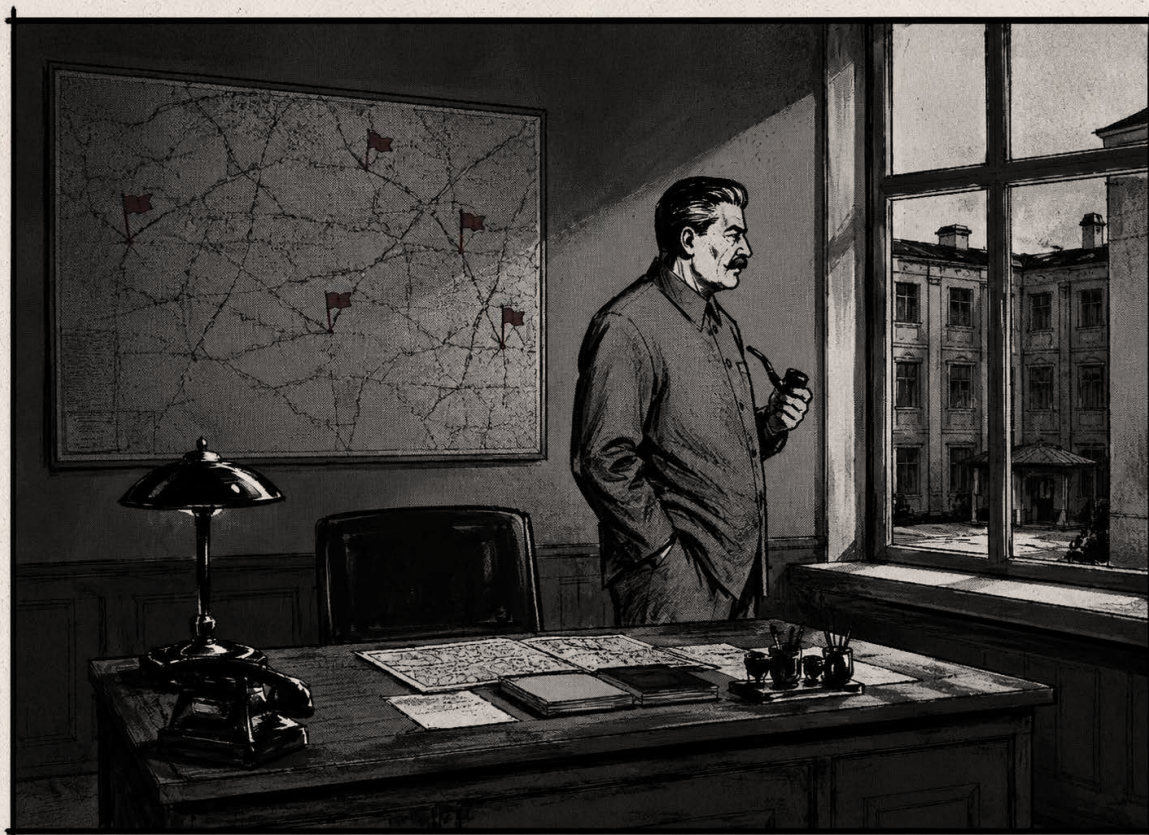
На третьем посту молодой офицер с лицом человека, приученного не задавать вопросов, прочитал бумагу Северина, потом прочитал её ещё раз, потом поднял глаза и посмотрел на Северина взглядом, в котором читалось одно: откуда вы вообще взялись и почему именно сегодня.

— Подождите, — сказал он и ушёл.

Северин подождал двадцать минут. Потом ещё сорок. Коридор был длинным, стулья вдоль стен — деревянными, люди на стульях — тихими. Люди, которые ждут приёма в Смольном, не разговаривают между собой. Они смотрят в одну точку с выражением людей, мысленно повторяющих что-то важное, чтобы не забыть.

Северин достал записную книжку и написал: «Зал ожидания как диагностический инструмент. Уровень тревоги пропорционален близости к источнику власти. Те, кто ждёт у первого поста — разговаривают. У второго — молчат, но смотрят друг на друга. У третьего — не смотрят ни на что.»

разговаривают. У второго — молчат, но смотрят друг на друга. У третьего — не смотрят ни на что».

Это была профессиональная привычка. Он записывал наблюдения везде. Жена когда-то называла это болезнью. Теперь некому было называть.

* * *

В четыре часа дня офицер вернулся и сказал, что его примут.

Комната, в которую его привели, была неожиданно небольшой. Северин всю дорогу готовился к залу с высокими потолками и портретами — к пространству, которое само по себе является инструментом подавления. Вместо этого — кабинет с одним окном, выходящим во внутренний двор, письменный стол, карта на стене, заложенная в нескольких местах красными флажками, и человек у окна с трубкой, которую он не курил, а держал.

Северин много думал о том, как будет выглядеть эта встреча. Думал — и всё равно не был готов к тому, что первое, что он почувствует, войдя в комнату, будет не страх и не почтение, а острое

ощущение чужого присутствия. Как будто в комнате находится кто-то, чья система координат настолько отличается от твоей, что само нахождение рядом требует усилия.

— Садитесь, — сказал Сталин, не оборачиваясь.

Северин сел.

Пауза длилась достаточно долго, чтобы большинство людей начали заполнять её словами. Северин не заполнял. Это тоже была профессиональная привычка.

— Академия наук, — сказал наконец Сталин. По-прежнему к окну. — Специальное подразделение. Триумф.

— Так точно.

— Интересное название. — Голос был негромким и очень точным, как бывает у людей, которые давно научились не тратить на слова больше, чем нужно. — Вы сами выбрали?

— Нет. Оно пришло сверху.

— Сверху. — В этом слове не было иронии, но было что-то, что Северин не смог бы назвать точно. Почти усмешка, но не совсем. — Хорошо. Что вам нужно?

— Санкция на перевод офицера в состав подразделения. Личное дело требует вашего согласования.

Сталин обернулся. Посмотрел на Северина несколько секунд — не изучающе, а скорее проверяя что-то, что уже знал.

— Яковлев, — сказал он. Не спросил.

— Да.

— Он сам попросил вас прийти ко мне?

Северин помолчал секунду. Решил, что неточность здесь хуже, чем правда.

— Он передал фразу. Сказал, что вы поймёте: Гейдельберг, дорожка три, осень тридцать первого.

Что-то изменилось в комнате. Не в выражении лица — лицо осталось тем же. Изменилось что-то в воздухе, в температуре паузы.

Сталин подошёл к столу. Поставил трубку. Сел.

— Он в порядке? — спросил он.

— Насколько я могу судить — да.

— Насколько вы можете судить, — повторил Сталин без выражения. — Вы два часа с ним разговаривали?

— Около того.

— И что вы поняли за эти два часа?

Северин подумал.

— Что он именно тот, кто мне нужен. И что я не понял про него ничего существенного.

Сталин посмотрел на него иначе. Как смотрят на человека, который сказал что-то неожиданно правильное.

— Это честный ответ, — сказал он. — Большинство людей после двух часов с Яковлевым убеждены, что поняли про него всё.

— Это ошибка?

— Это очень опасная ошибка. — Он открыл ящик стола, достал лист бумаги. Взял ручку. — Яковлев позволяет людям понимать про него ровно столько, сколько им нужно, чтобы чувствовать себя умными. Это его... особенность.

Северин смотрел, как Сталин подписывает санкцию. Рука двигалась привычно, без паузы на обдумывание.

— Осторожно с ним, — сказал Сталин, не поднимая головы. — Не потому что он опасен. Потому что он честен. А честные люди в нашей работе создают специфические проблемы.

— Какие именно?

Сталин закончил подпись. Поднял голову.

— Они делают то, что считают правильным. Даже когда это расходится с приказом.

*Яковлев. победил его
и остался жив.
Он сделал то, чего Сталин не ждал.
В Зоне это качество спасёт ему жизнь.*

Heidelberger Fichtclub
Herbst 1931

Gefechts-Protokoll

Bahn	Fechter A	Fechter B	Ergebnis
1.	 	 	
2.	 	 	V.
3.	 	 	N.
4.	 	 	V.
5.	 	 	N.
6.	 	 	V.
7.	 	 	V.
8.	 	 	N.
			V.

— Вы говорите это как о недостатке.
— Я говорю это как о факте. — Он подал бумагу через стол. — Недостаток или достоинство — это зависит от того, в какую сторону он пошёл.

Северин взял санкцию.

* * *

Он уже стоял у двери, когда Сталин сказал:

— Андрей Павлович.

Северин обернулся.

— Дорожка три в Гейдельберге — это фехтовальный зал. Осенью тридцать первого мы оба там были. Он выиграл. — Пауза. — Он единственный человек, который выиграл у меня за последние двадцать лет. Я не забываю таких вещей.

— Понимаю, — сказал Северин.

— Нет, — сказал Сталин. — Вы уже второй человек за два дня, который говорит мне, что понимает, и не понимает ничего. Яковлев выиграл не потому что лучше фехтует. Он выиграл потому что в нужный момент сделал именно то, чего я от него не ждал.

— Он снова взял трубку. — Это полезное качество в вашей работе. И очень неудобное в любой другой.

Северин кивнул и вышел.

* * *

В коридоре он остановился у окна. Внутренний двор Смольного был пуст — только часовой у дальней стены, и голуби на карнизе, и ощущение, что город за этими стенами идёт своим ходом, совершенно не зная, какие разговоры происходят внутри.

Он достал записную книжку.

Написал: «Сталин знает Яковлева лично. Дорожка три — не просто пароль. Это воспоминание. Яковлев победил его в поединке и остался жив. Это требует объяснения, которого у меня нет».

Подумал. Дописал: «Сталин спросил — в порядке ли он. Не — верен ли он. Не — можно ли ему доверять. В порядке ли. Это вопрос о человеке, а не о сотруднике. Из этого что-то следует, но я пока не знаю что».

Закрыв книжку.

Санкция лежала во внутреннем кармане пальто, тёплая от близости к телу. Три строки и подпись, которая стоила восьми часов ожидания и одного разговора, из которого Северин вышел с ответом на один вопрос и с пятью новыми, на которые ответов не было.

Это было, в общем, его обычное состояние. Но обычно источником вопросов был противник.

* * *

На Конюшенную он попал в начале седьмого. Яковлев ждал там же, где ждал вчера, — у парапета, над Невой, с папиросой. Северин начал подозревать, что Яковлев вообще отсюда не уходил.

— Он подписал, — сказал Северин.

— Я знаю.

— Откуда?

— Вы идёте не так, как шли вчера. Вчера вы шли с вопросом. Сейчас — с ответом. Разные походки.

Северин остановился рядом.

— Он сказал мне про дорожку три. Что вы победили его в фехтовальном поединке.

Яковлев не ответил.

— И что после этого не забывает такого рода вещей.

— Он не забывает ничего, — сказал Яковлев. — Это его главное качество и его главная проблема одновременно.

— Вы с ним дружите?

Долгая пауза. Нева несла что-то тёмное у правого берега — бревно или мусор, не разобрать.

— Это сложное слово, — сказал наконец Яковлев. — У него к нему своё определение. У меня — своё. Они не совпадают. Но это не мешает нам понимать друг друга.

— Он предупредил меня насчёт вас.

— Что именно?

— Что вы делаете то, что считаете правильным, даже когда это расходится с приказом.

Яковлев посмотрел на воду.

— Он сказал это как предупреждение или как рекомендацию?

— Я не понял, — признался Северин.

— Хорошо, — сказал Яковлев. — Значит, он сказал это правильно.

Он бросил папиросу в воду. Повернулся.

— Когда начинаем?

— Завтра я еду к Попову. Вы — туда же. Через три дня приступаем к отбору.

— Хорошо. — Яковлев уже шёл. Не попрощался — так же, как вчера. Просто пошёл, как будто разговор завершился в точке, которую он сам определил.

— Яковлев, — сказал Северин ему в спину.

Тот остановился. Не обернулся.

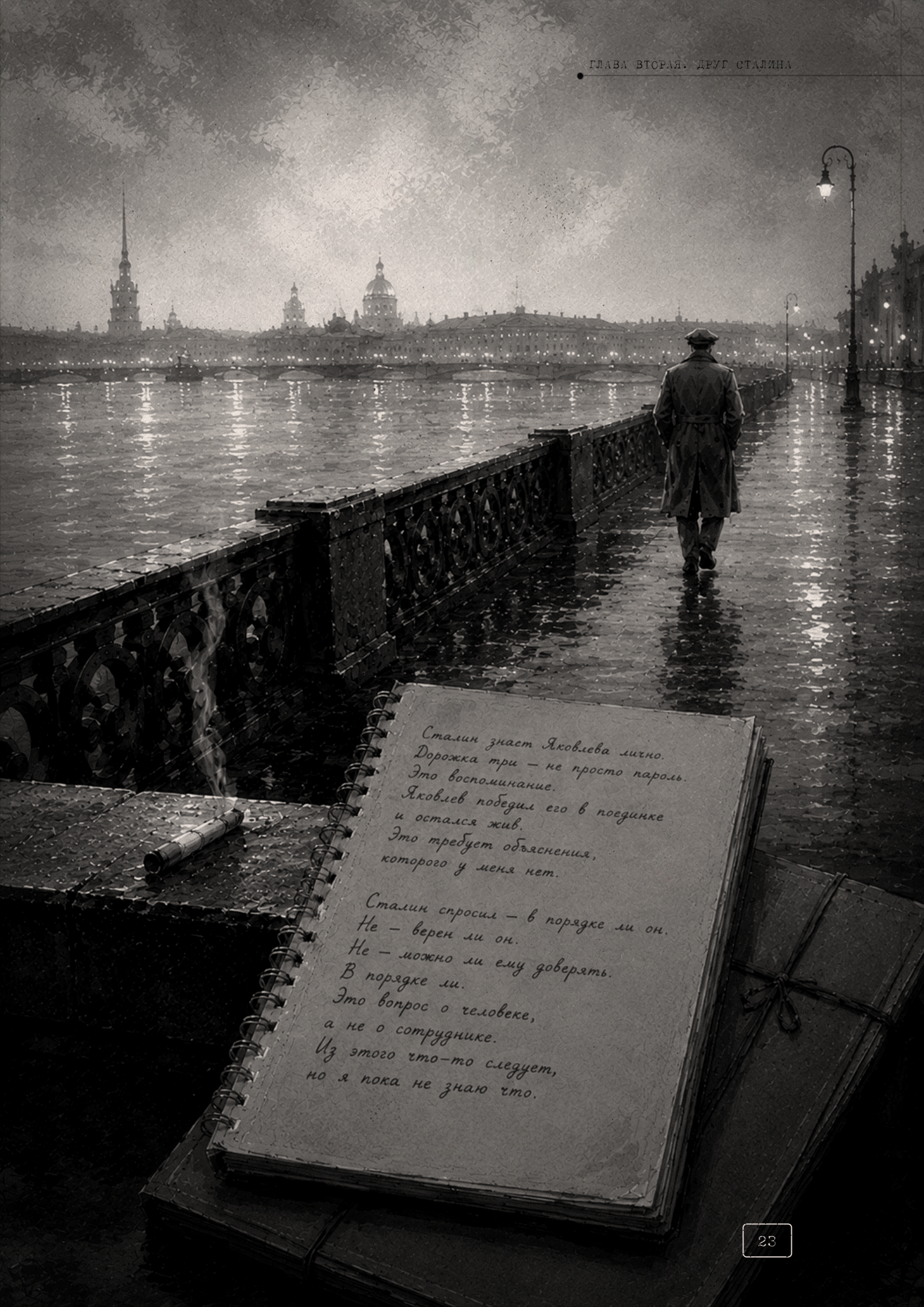
— Он спросил про вас. Спросил — в порядке ли вы. Не верны ли. Именно так.

Пауза.

— Я знаю, — сказал Яковлев. — Именно поэтому я передал ему то, что передал. Он должен был услышать ответ на этот вопрос, а не на другой.

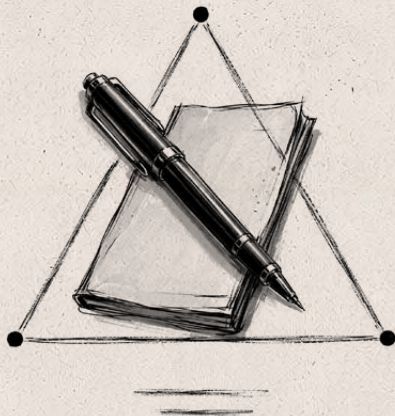
И ушёл.

* * *

Сталин знает Яковлева лично.
 Дорожка три — не просто пароль.
 Это воспоминание.
 Яковлев победил его в поединке
 и остался жив.
 Это требует объяснения,
 которого у меня нет.

Сталин спросил — в порядке ли он.
 Не — верен ли он.
 Не — можно ли ему доверять.
 В порядке ли.
 Это вопрос о человеке,
 а не о сотруднике.
 Из этого что-то следует,
 но я пока не знаю что.

Северин стоял над Невой ещё несколько минут.

Завтра начнётся что-то, для чего у него пока не было названия. Не операция, не школа, не подразделение — что-то, что включает в себя всё это и при этом является чем-то другим. Чем именно — он не знал.

Яковлев знал. Это было единственное, в чём Северин был уверен.

* * *

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Двое из могилы

ПРОХОД
СТРОГО
ПО ПРОПУСКАМ

ОБЪЕКТ 9832/21. ЧП. МИССИЯ ПРЕРВАНА.
ПОТЕРИ: 19 ЧЕЛОВЕК.

Машина пришла в четыре утра. Дежурный офицер Клименко, которому в эту ночь выпало сидеть у ворот базы на Петроградской стороне, потом говорил, что сначала решил: везут раненых. Машина шла медленно, как ходят машины, в которых боятся потревожить что-то хрупкое.

Потом из неё вышли двое. Оба на своих ногах. У одного было перевязано плечо и разбита бровь. Второй шёл без видимых повреждений — абсолютно ровно, чуть впереди, как человек, у которого тело давно работает отдельно от того, что происходит внутри.

— Где Северин? — спросил тот, что шёл ровно.

— Спит, — сказал Клименко. — Четыре утра.

— Разбудите.

Клименко посмотрел на них ещё раз. Потом пошёл будить.

* * *

Северин спустился через восемь минут — в форме, но без ремня, с лицом человека, который понял всё ещё до того, как проснулся. Он увидел их в коридоре под тусклой лампой и остановился на секунду.

Двое. Только двое.

— Сколько? — спросил он.

— Одиннадцать, — сказал Громов. Голос был ровный, но ровный так, как бывает ровным голос человека, который последние несколько часов не позволяет себе слышать собственные слова. — Из четырнадцати.

— Из прикрытия?

— Восемь из шестнадцати. Они держали отход сорок минут.

Северин кивнул. Ничего больше не сказал — не потому что нечего было, а потому что всё, что можно было сказать в этот момент, было либо неточным, либо бесполезным.

— Есть результат, — сказал Яковлев.

— Знаю. — Северин повернулся. — Пойдёмте.

* * *

Комната для разборов была маленькой — стол, четыре стула, карта на стене, которую кто-то повесил ещё в начале войны и никто не менял, хотя линия фронта давно съехала. Северин сел напротив. Достал записную книжку.

— По порядку.

Громов говорил двадцать минут. Говорил хорошо — чётко, без лишних слов, с профессиональной точностью человека, привыкшего составлять рапорты в условиях, когда некогда думать о формулировках. Группа вышла в расчётное время. Первые два дня — штатно. На третий — обнаружили, что немцы знали о маршруте. Не весь маршрут — отдельные точки. Кто-то дал им достаточно, чтобы выстроить засаду на выходе, но недостаточно, чтобы взять всех сразу.

— Они хотели не уничтожить группу, — сказал Громов. — Они хотели посмотреть, что мы будем делать.

— И что вы сделали?

— То, чего они не ждали.

Северин посмотрел на Яковлева.

— Конкретно?

— Мы разделились, — сказал Яковлев. — Неправильно.

— Что значит неправильно?

— Неправильно с их точки зрения. Они знали нашу доктрину. В ней написано: при засаде на выходе — консолидация и прорыв по основному вектору. Мы сделали обратное.

— Чья идея?

— Моя, — сказал Яковлев. Без интонации. — Громов был против. Громов не подтвердил и не опроверг. Смотрел на стол.

— Это сработало? — спросил Северин.

— Мы здесь, — сказал Яковлев.

— Одиннадцать человек нет.

Пауза.

— Да, — сказал Яковлев. — Именно так.

* * *

Северин записал что-то. Перевернул страницу.

— Результат.

— Взяли одного живым. — Громов положил на стол тонкую папку. — Офицер. Не рядовой исполнитель — человек с пониманием структуры. Говорит охотно, что само по себе информация. Люди, которых готовят умирать молча, не говорят охотно. Значит, его готовили к другому.

— К чему?

— Возможно, именно к этому. — Громов помолчал. — Возможно, его нам оставили.

В комнате стало очень тихо.

— Объясните, — сказал Северин.

— Засада была выстроена так, чтобы мы могли взять одного. Не случайно — именно одного, именно этого. Он не бежал, не сопротивлялся сверх меры. — Громов открыл папку. — Барон. Э.К.Г. фон Рауффенштайн. Аристократ, офицер, выпускник специальной школы в Аргентине. Говорит по-русски без акцента.

— Без акцента?

— Совершенно.

Северин посмотрел на Яковлева. Тот смотрел в окно, за которым начинало сереть небо.

— Что он рассказал?

— Достаточно, чтобы это было интересно. Недостаточно, чтобы это было исчерпывающе. — Громов закрыл папку. — Структура называется Zukunft der Nation. База в Аргентине. Параллельна Аненербе и конкурирует с ней. Школа, которая их готовит, называет себя «Будущее в раю». Руководитель — некто Клаус фон Вернер, учёный. Не идеолог — прагматик. Это важно.

— Почему?

— Потому что идеолог действует по принципу. Прагматик действует по результату. С прагматиком можно работать. Идеолога можно только уничтожить.

Северин записал. Поднял голову.

— Вы верите тому, что он рассказал?

— Нет, — сказал Громов. — Я верю тому, что он рассказал именно это. Разные вещи.

* * *

В шесть утра Громов ушёл спать. Яковлев остался.

Северин налил им обоим чаю из термоса, который кто-то предусмотрительно оставил на подоконнике. Чай был тёплым, но не горячим. Они молчали несколько минут — не неловко, а с тем качеством молчания, которое бывает между людьми, которым не нужно заполнять пространство.

— Я неправильно собрал группу, — сказал наконец Северин.
Не вопрос — утверждение.

— Да, — сказал Яковлев.

— Скажите, где именно.

Яковлев поставил стакан.

— Вы собирали людей по профессиональному принципу. Разведчик, специалист по взрывчатке, связист, врач. Это правильно для армии. Для того, что делаем мы, — неправильно.

— Почему?

— Потому что в армии люди выполняют функцию. У нас они должны принимать решения. — Яковлев смотрел на карту на стене. — Решение — это всегда отклонение от плана. Люди, которых учат выполнять функцию, при отклонении от плана теряются. Они ищут инструкцию. Инструкции нет. Они погибают.

— А что нужно вместо профессионального принципа?

— Психологический. — Яковлев обернулся. — Нужны люди, которые думают в условиях неопределённости. Не справляются — именно думают. Профессию можно дать потом. Мышление — нет.

Северин записывал.

— И где таких брать?

— Там, где система их выбросила за ненадобностью. Система не любит людей, которые думают в условиях неопределённости. Она любит людей, которые выполняют функцию. Значит, те, кто нам нужен — где-то в зазоре. Не расстреляны, не в лагере — просто выброшены.

— Вы говорите о Серебряном.

— Я говорю о принципе. Серебряный — частный случай.

* * *

В семь утра пришёл связной с донесением, что партизанский отряд Мельника запрашивает подтверждение потерь для командования. Восемь человек. Имена перечислены на отдельном листе.

Северин взял лист. Прочитал. Отложил.

— Я напишу командованию лично, — сказал он. — Не по форме. Лично.

Яковлев посмотрел на него.

— Это не принято.

— Знаю. — Северин взял ручку. — Принято или не принято — это другой вопрос. Эти люди держали отход сорок минут, зная, что их не вытащат. Это требует другого ответа, чем форма номер семь.

Яковлев не сказал ничего. Но что-то в его лице изменилось — едва заметно, на долю секунды. Не удивление и не одобрение. Что-то, что Северин позже записал в книжку как: «перерасчёт».

* * *

В восемь утра Северин закрыл записную книжку и сказал:

— Новая доктрина. Три пункта.

Яковлев слушал.

— Первое: отбор только по психологическому принципу. Профессия вторична. Второе: каждый в группе должен уметь принять решение за всю группу. Не командир — каждый. Третье: мы не повторяем ни одного маршрута, ни одной схемы дважды. Противник учится. Мы учимся быстрее.

— «Быстрее» — это слово Попова, — сказал Яковлев.

— Да. Именно поэтому он нам нужен.

— Он поставит условие.

— Я знаю. Полная свобода в методах.

— Не только. — Яковлев встал, подошёл к окну. За стеклом Петербург просыпался в сером мае — медленно, как просыпаются города, которые не знают, сколько ещё им просыпаться. — Он поставит условие, что результат проверяется только одним способом. Не экзаменом. Операцией.

— Это жёстко.

— Это честно. — Яковлев смотрел на улицу. — Экзамен проверяет, что человек знает. Операция проверяет, что он есть. Разные вещи.

Северин подумал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Принимаю.

— И ещё одно. — Яковлев обернулся. — Рауффенштайн. Его нельзя держать как пленного.

— Предлагаете расстрелять?

— Предлагаю использовать. Он пришёл к нам не случайно — значит, у него есть причина быть здесь. Нужно понять, какая. Если его причина совпадает с нашей хотя бы в одной точке — он ценнее живым и работающим, чем мёртвым или в камере.

— А если не совпадает?

— Тогда у нас есть время это выяснить.

* * *

Северин вышел на улицу в половину девятого.

Двор базы был пуст — слишком рано для смены, слишком поздно для ночной службы. Где-то за воротами Петербург жил своей утренней жизнью: трамвай, очередь за хлебом, голуби у Исаакия, и война где-то за горизонтом, которая каждый день немного ближе.

Он постоял минуту.

Одиннадцать человек из четырнадцати. Восемь из шестнадцати. Деятнадцать итогов. У каждого было имя, и звание, и кто-то, кому придёт бумага.

Он не позволял себе думать об этом во время разбора — профессиональная привычка. Сейчас, в пустом дворе, он позволил. Несколько секунд. Ровно столько, сколько нужно, чтобы это было честно.

Потом убрал.

Достал записную книжку. Написал одно слово: «Попов».

Это было следующее.

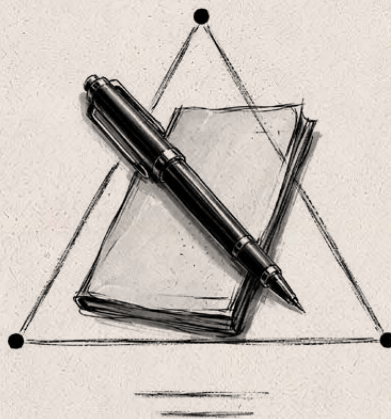
* * *

Попов.

1. Отбор —
только
психология.
2. Каждый —
уметь принимать
РЕШЕНИЕ.
3. Схемы
НЕ ПОВТОРЯТЬ.

Условие Попова
принято.
Экзаменов не будет.
Только реальная
операция в Зоне.
Проверка.

Рауффенштайн в эту ночь не спал.

Он лежал на жёстком топчане в комнате без окон и думал о том, что люди, которые его взяли, сделали три вещи правильно и одну вещь неправильно. Три правильных он отметил с профессиональным уважением. Одну неправильную — с осторожной надеждой.

Они не знали, что он ждал, когда его возьмут.

Вопрос был только в том — догадаются ли.

* * *

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Барон

ДЕЛО №04.
СЕКТОР ДОПРОСА «ЗАПАД».
ОБЪЕКТ: РАУФФЕНШТАЙН, К.Г.

Громов вошёл в комнату без окон в половину десятого утра и первые три минуты не сказал ничего. Это был метод. Не давление и не театр — диагностика. Человек, которому есть что скрывать, заполняет молчание: смотрит в сторону, или, напротив, слишком прямо, или начинает говорить первым. Человек, которому скрывать нечего, просто ждёт.

Рауффенштайн ждал. Сидел на стуле без спинки, руки на коленях, смотрел на Громова с вежливым интересом человека, которого пригласили на встречу и который не знает точно, зачем, но готов выслушать. Никакого напряжения — или напряжение было настолько профессионально убрано, что разницы не было.

— Эрих Карл Георг фон Рауффенштайн, — сказал наконец Громов. По-русски.

— Так точно, — ответил Рауффенштайн. Тоже по-русски. Без малейшего акцента — петербургский интеллигент, не больше и не меньше.

Громов сел напротив.

— Где вы учили язык?

— Здесь. — Небольшая пауза. — Моя мать была из Петербурга. Урождённая Голицына. До восемнадцатого года.

— Эмигрировала?

— Вышла замуж. Мой отец познакомился с ней в Баден-Бадене в тринадцатом. Она уехала до того, как это стало называться эмиграцией.

Громов записал. Не потому что не знал — в папке это было. Потому что хотел посмотреть, как Рауффенштайн относится к тому, что его историю уже читали.

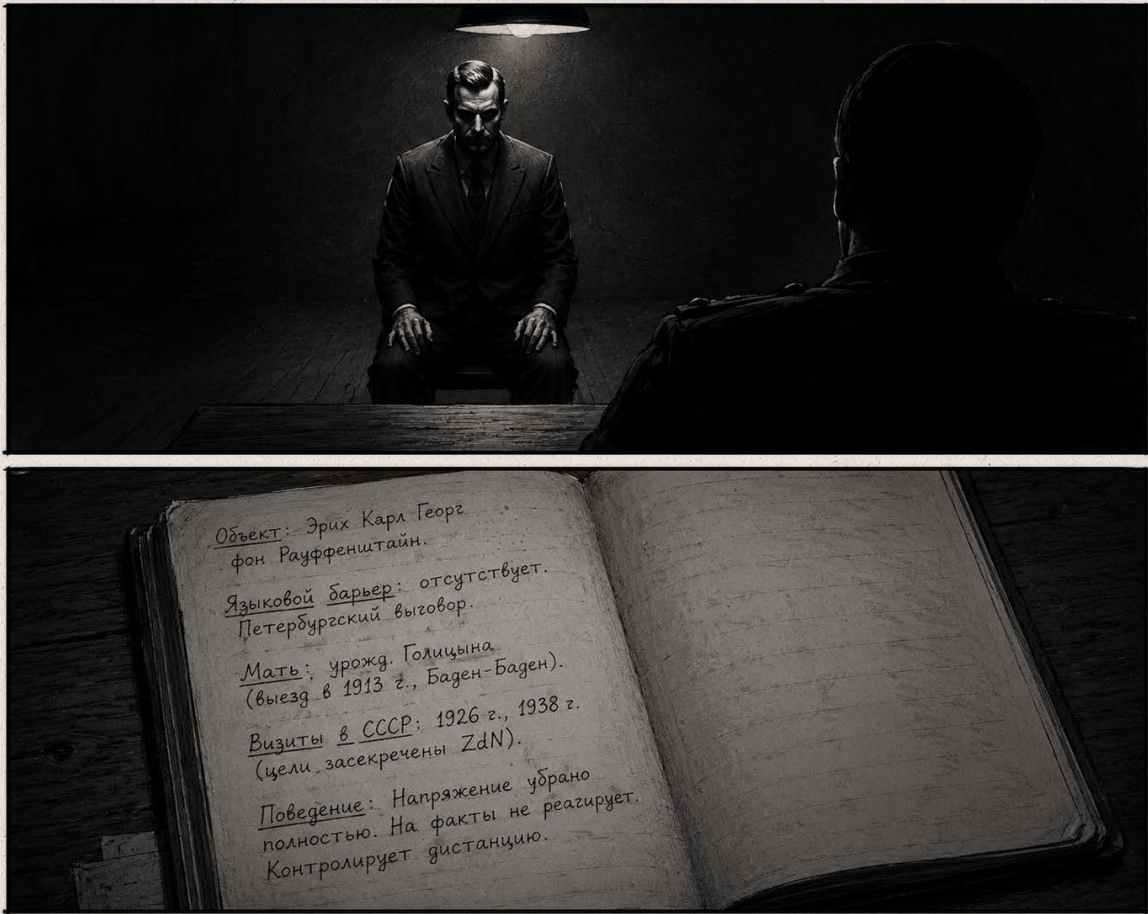
Никак. Рассказывал спокойно, как рассказывают о вещах, которые не являются тайной и никогда ею не были.

— Вы были в России раньше?

— Дважды. В двадцать шестом с матерью — она хотела увидеть город. И в тридцать восьмом по делам, которые я не буду описывать подробно, но которые вы, вероятно, уже знаете.

— Почему вы решили, что мы знаем?

— Потому что если бы не знали — не держали бы меня в этой комнате. Вы бы уже спрашивали про конкретные операции. — Рауффенштайн чуть наклонил голову. — Вы держите меня здесь, потому что думаете: что-то не так. Я пришёл слишком легко. Я говорю слишком охотно. Это ловушка или это что-то другое — вы ещё не решили.

Громов поднял взгляд от блокнота.

— И что же это?

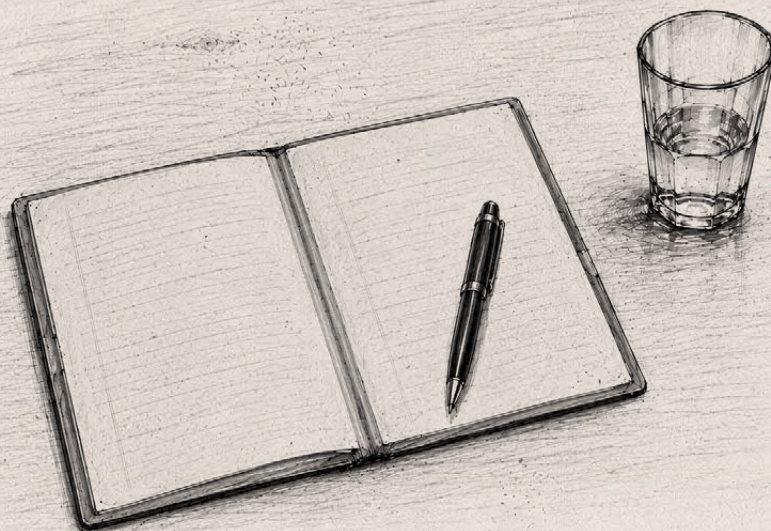
— Что-то другое, — сказал Рауффенштайн. — Но я понимаю, почему вы не верите сразу. Это правильно.

* * *

Разговор шёл два часа.

Громов работал методично — слой за слоем, возвращаясь к одним и тем же точкам с разных сторон, проверяя, совпадают ли ответы не по содержанию, а по интонации. Рауффенштайн не противоречил себе ни разу. Это само по себе было подозрительно — люди, которые говорят правду, иногда противоречат себе в деталях. Люди, которые говорят выученную ложь, не противоречат никогда.

В половине первого Громов вышел, оставив на столе стакан воды и папку с чистыми листами — жест без смысла, но интересный: что человек делает с объектами, которые ему оставляют без объяснения.

*Абсолютный
самоконтроль.
Рауффенштайн
просчитывает
жесты Громова.
Он не прикаснулся,
к бумагам
(«Я предпочитаю
не играть в театр»).*

Когда Громов вернулся через двадцать минут, папка лежала на том же месте. Вода была выпита наполовину. Рауффенштайн сидел в той же позе.

— Вы ничего не написали, — сказал Громов.

— Вы не просили.

— Большинство людей на вашем месте написали бы что-нибудь. Список имён, схему, что угодно — чтобы показать готовность к сотрудничеству.

— Я понимаю логику, — сказал Рауффенштайн. — Но это была бы демонстрация, а не сотрудничество. Я не знаю, что вам нужно. Написать список имён, которые вы уже знаете, — это театр. Я предпочитаю не играть в театр.

— А во что вы предпочитаете играть?

Рауффенштайн посмотрел на него.

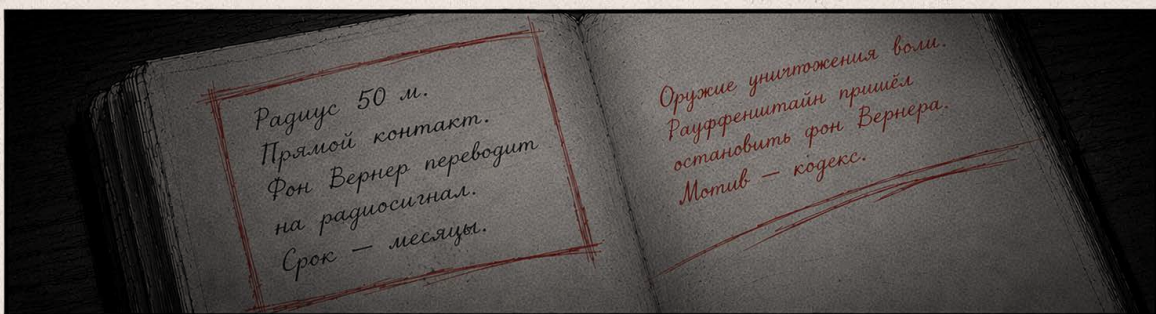
— В полезные игры.

* * *

Северин вошёл в четыре часа дня.

Рауффенштайн увидел его и сделал то, чего Громов от него не ожидал — встал. Не по стойке смирно, не подобострастно. Просто встал, как встают при появлении человека, которого считают равным.

- Андрей Павлович Северин, — сказал он. — Академия наук.
- Откуда?
- Громов называл вас по имени-отчеству. Людей из армии или госбезопасности так не называют. Академия или что-то похожее.
- Северин сел. Жестом предложил Рауффенштайну сесть тоже.
- Вы сказали Громову, что это «что-то другое». Что именно?
- Рауффенштайн помолчал — первый раз за весь день. Не потому что подбирал слова. Потому что, судя по всему, решал что-то.
- Вы знаете, что такое «Зеркало»? — спросил он наконец.
- В общих чертах.
- В общих чертах — это психологическое оружие прямого контакта. Радиус пятьдесят метров, требует физического присутствия оператора. Воздействует на систему самоидентификации. Человек не теряет воли — он начинает считать, что другой является его собственным. — Рауффенштайн говорил ровно, как говорят о технических характеристиках. — Сейчас фон Вернер работает над расширением через радиосигнал. Если он закончит — это уже не оружие прямого контакта. Это трансляция.
- Мы знаем.

— Нет. — Рауффенштайн покачал головой. — Вы знаете, что он работает над расширением. Вы не знаете, что он уже нашёл принцип. Осталась техническая реализация. Это вопрос месяцев, не лет. Тишина.

— И вы пришли нам об этом сообщить, — сказал Северин.

— Я пришёл, потому что это нельзя применять, — сказал Рауффенштайн. Первый раз за весь день в его голосе появилось что-то, что не было профессиональной ровностью. Не эмоция — убеждённость. — Не потому что это направлено против вас. Потому что это нельзя применять вообще. Ни против кого. Оружие, которое не убивает человека, а переписывает его — это конец чего-то, для чего у меня нет точного слова. Но я знаю, что это конец.

Северин смотрел на него.

— Вы аристократ, — сказал он наконец. — У аристократов есть кодекс.

— Был кодекс, — поправил Рауффенштайн. — Большинство моих коллег его забыли. Я — нет.

— Это требует проверки.

— Я понимаю. — Рауффенштайн снова сел. — Я готов к любой проверке, которую вы сочтёте необходимой. У меня есть время.

* * *

Громов поймал Северина в коридоре.

— Он лжёт, — сказал Громов тихо. Не утверждение — рабочая гипотеза.

— Возможно.

— Слишком гладко. Слишком правильно говорит то, что мы хотим услышать.

— Или говорит правду, которая случайно совпадает с тем, что мы хотим услышать, — сказал Северин. — Это тоже бывает.

— Редко.

— Да. — Северин посмотрел на закрытую дверь. — Но бывает. Нам нужно выяснить, какой случай этот. Пока мы не выяснили — он ценен в любом варианте.

— Как?

— Если лжёт — мы поймём, что именно ZdN хочет нам внушить. Если говорит правду — мы знаем о «Зеркале» больше, чем вчера. — Северин повернулся. — Вы умеете играть в шахматы?

Громов посмотрел на него с удивлением.

— Да.

— Яковлев тоже умеет?

— Не знаю.

— Узнайте. Мне нужно знать, кто из вас двоих играет лучше.

— Зачем?

— Потому что следующие несколько недель кто-то из вас будет играть с ним каждый день. — Северин кивнул на дверь. — Не в шахматы — в разговор. Но принцип тот же: каждый ход что-то открывает. Нужен тот, кто умеет читать позицию.

* * *

Яковлев вошёл в комнату в шесть вечера. Рауффенштайн увидел его — и что-то изменилось. Не страх, не узнавание. Что-то более сложное: как будто человек увидел задачу, которую считал неразрешимой, и понял, что ошибался в оценке.

— Fechtmeister, — сказал Рауффенштайн по-немецки.

— Барон, — ответил Яковлев по-немецки. Сел напротив.

Они смотрели друг на друга несколько секунд.

— Heidelberg? — спросил Рауффенштайн.

— Да.

— Я вас не помню.

— Я вас помню, — сказал Яковлев. — Вы проиграли Краузе на дорожке семь. Осенью тридцать второго. Вы были лучше — но вы думали на два хода вперёд, а нужно было на один.

Рауффенштайн медленно кивнул.

— Вы наблюдали.

— Я всегда наблюдаю.

Пауза.

— Тогда вы знаете, что я исправил эту ошибку, — сказал Рауффенштайн.

— Знаю, — сказал Яковлев. — Именно поэтому мы разговариваем.

* * *

В девять вечера Северин собрал троих в комнате для разборов.

— Решение, — сказал он. — Рауффенштайн остаётся. Не как пленный — как консультант с ограниченным передвижением. Задача: проверка каждого его утверждения параллельными источниками. Задача два: он работает в школе. Не преподаёт — спаррингует. Курсанты должны уметь думать как противник. Лучший способ — разговаривать с противником.

— Он согласится? — спросил Громов.

— Он уже согласился, — сказал Яковлев. — Он предложил это сам, только другими словами.

Громов посмотрел на него.

— Когда?

— Когда сказал, что готов к любой проверке, которую мы сочтём необходимой, и что у него есть время. Человек, которого устраивает оставаться здесь неопределённо долго — это человек, которому здесь нужно быть. — Яковлев помолчал. — Вопрос не в том, согласится ли он. Вопрос в том, чего он хочет получить взамен.

— И чего он хочет?

— Он хочет, чтобы «Зеркало» не было применено. — Яковлев поднялся. — Это его условие. Не свобода, не деньги, не документы. Результат. Если мы можем это гарантировать — у нас есть союзник. Если не можем — у нас есть очень умный противник в очень удобном месте.

Северин записал в книжку. Поднял голову.

— Можем?

Никто не ответил сразу.

— Пока не знаем, — сказал наконец Громов. — Это честный ответ.

— Хороший ответ, — сказал Северин. — Так ему и скажем.

* * *

Ошибка Рауффенштайна в 32-м:
думал на два хода вперёд,
а нужно было на один
(чистое действие).
Яковлев помнит это.
Слом шаблона барона произошёл.
Условие барона: «Чтобы „Зеркало“
не было применено»:

Союзник или враг?
Рауффенштайн ищет силу,
способную остановить фон Вернера.
Его условие принято.

Рауффенштайн лёт спать в десять вечера.

Впервые за трое суток — на кровати, а не на топчане. Это было сообщением, и он его прочитал правильно: решение принято, статус изменился.

Перед тем как закрыть глаза, он подумал о фон Вернере. О том, как тот выглядел в последний раз, когда они разговаривали — три месяца назад, в Буэнос-Айресе, в лаборатории, где пахло озоном и чем-то ещё, чему Рауффенштайн не знал названия.

Фон Вернер тогда сказал: «Через полгода мир будет другим». Рауффенштайн тогда ничего не ответил. Он уже знал, что уйдёт. Он ещё не знал — куда.

Теперь знал.

* * *

ГЛАВА ПЯТАЯ

Из камеры смертников

ОБЪЕКТ 9832/21.
ИЗЪЯТ ИЗ СПИСКОВ СПЕЦКОНТИНГЕНТА.
ИНТЕГРАЦИЯ В КОД «ТРИУМФ».

Серебряный играл сам с собой в шахматы. Доска была нарисована на полу — кусок штукатурки, которым можно было чертить, он нашёл в первую неделю и берёт как инструмент. Фигуры — камешки двух цветов, светлые и тёмные, подобранные в прогулочном дворе за восемь месяцев терпеливого труда. Партия шла третий день. Он играл и за белых, и за чёрных, с тем же вниманием к обеим сторонам, с каким относятся к задаче, у которой нет правильного ответа — только более и менее интересные ходы.

Одиннадцать месяцев в камере смертников делают с людьми разное. Некоторые молятся. Некоторые ломаются на третий месяц, некоторые держатся дольше. Серебряный играл в шахматы, учил наизусть стихи, которые помнил, и думал на семи языках поочерёдно — чтобы не забыть ни один. Это была не храбрость и не смирение. Это была привычка к длинным задачам.

Когда дверь открылась в час дня, он не поднял голову сразу. Дождался, пока сделает ход, — белая пешка на e5 — и только потом посмотрел.

В дверях стоял незнакомый человек в гражданском. Без конвоя.

— Яков Моисеевич Серебряный, — сказал человек.

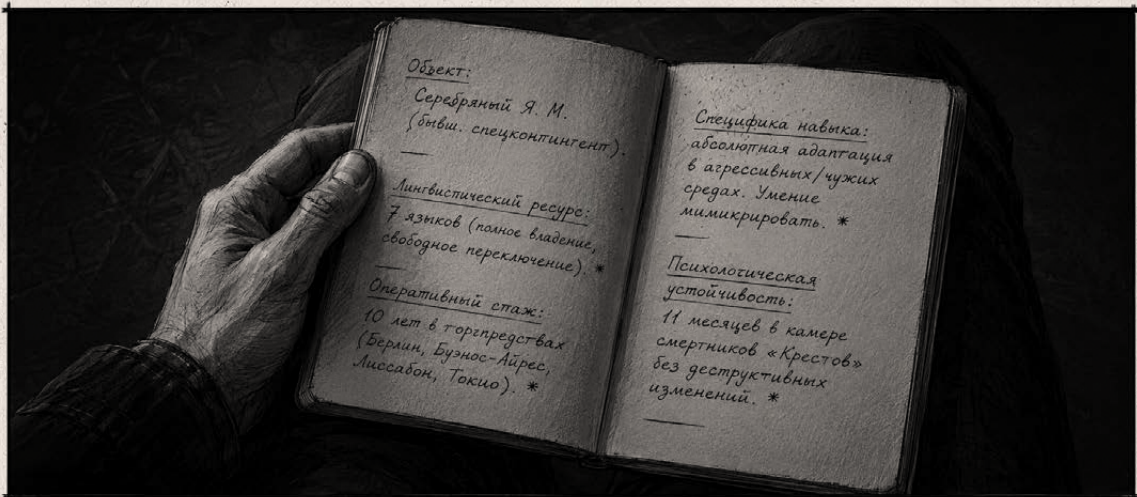
— Допустим, — сказал Серебряный.

* * *

Северин вошёл в камеру и осмотрелся — не из любопытства, по привычке фиксировать пространство. Шахматная доска на полу. Стихи, написанные мелкой штукатуркой на стене — он не сразу понял, что это стихи, потому что написаны были на трёх языках вперемешку.

11 месяцев
в камере
смертников.
Психологических
разрушений
нет.
Мышление
защищено
структурированной
задачей
(шахматы,
языки).

Человек на нарах смотрел на него без страха, без надежды и без того особого выражения, которое Северин видел у людей, которых долго держали в ожидании смерти, — выражения людей, уже частично ушедших.

Серебряный был здесь. Полностью.

— Андрей Павлович Северин, — сказал Северин. — Академия наук.

— Академия наук не приходит в камеры смертников, — сказал Серебряный. — Значит, что-то специальное.

— Специальное подразделение. Называется «Триумф».

— Красивое название. — Серебряный посмотрел на доску, потом снова на Северина. — Вы умеете играть?

— Плохо.

— Это честно. Большинство людей говорят «немного», что означает «плохо, но не хочу признавать». — Он убрал белую пешку с е5, поставил обратно. — Зачем вы пришли?

— Мне нужен человек для внешней работы. Вы подходите.

— Почему я?

— Семь языков. Десять лет в торговых представительствах — Берлин, Буэнос-Айрес, Лиссабон, Токио. Навык работы в средах, где вы чужой по определению. И одиннадцать месяцев в этой камере без видимых психологических разрушений.

Серебряный помолчал.

— Последнее вы откуда знаете?

— Вижу.

— Вы психолог?

— Методолог. Смежная специальность.

— Понятно. — Серебряный встал. Он был невысок, худощав — одиннадцать месяцев убрали всё лишнее, оставили только необходимое. Подошёл к стене, посмотрел на стихи. — «Триумф» занимается чем?

— Научной разведкой и контрразведкой. Два фронта: противник снаружи, собственные учёные внутри.

— Какой противник?

— Немецкий институт в Аргентине. Разрабатывают психологическое оружие. Мы знаем, где они. Мы не знаем достаточно, чтобы действовать.

Серебряный обернулся.

— В Аргентине я был. Буэнос-Айрес, тридцать девятый, сороковой. — Он прошёлся по камере — три шага туда, три обратно. — Какая конкретная задача?

— Сначала ответьте на предложение.

— Я отвечаю на конкретные задачи, — сказал Серебряный. — На абстрактные предложения — нет. Это особенность характера, из-за которой меня, собственно, и посадили.

Северин посмотрел на него.

— Уточните.

— Мне предложили подписать документ об участии в шпионаже. Абстрактный документ — без дат, без имён, без конкретики. Я спросил: шпионаж в пользу кого, когда, при каких обстоятельствах. Следователь счёл это неуважением к следствию. Возможно, он был прав с формальной точки зрения.

Северин помолчал. Потом открыл записную книжку.

— **Задача первая:** установить местоположение основной лаборатории ZdN в Аргентине. **Задача вторая:** выйти на внутренние противоречия в структуре и использовать их для получения технической документации по проекту «Зеркало». **Задача третья:** по возможности — нейтрализовать проект до его завершения.

Серебряный слушал. Потом сел обратно на нары.

— Почему именно нейтрализовать, а не похитить документацию и воспроизвести у себя?

— Потому что это оружие нельзя применять.

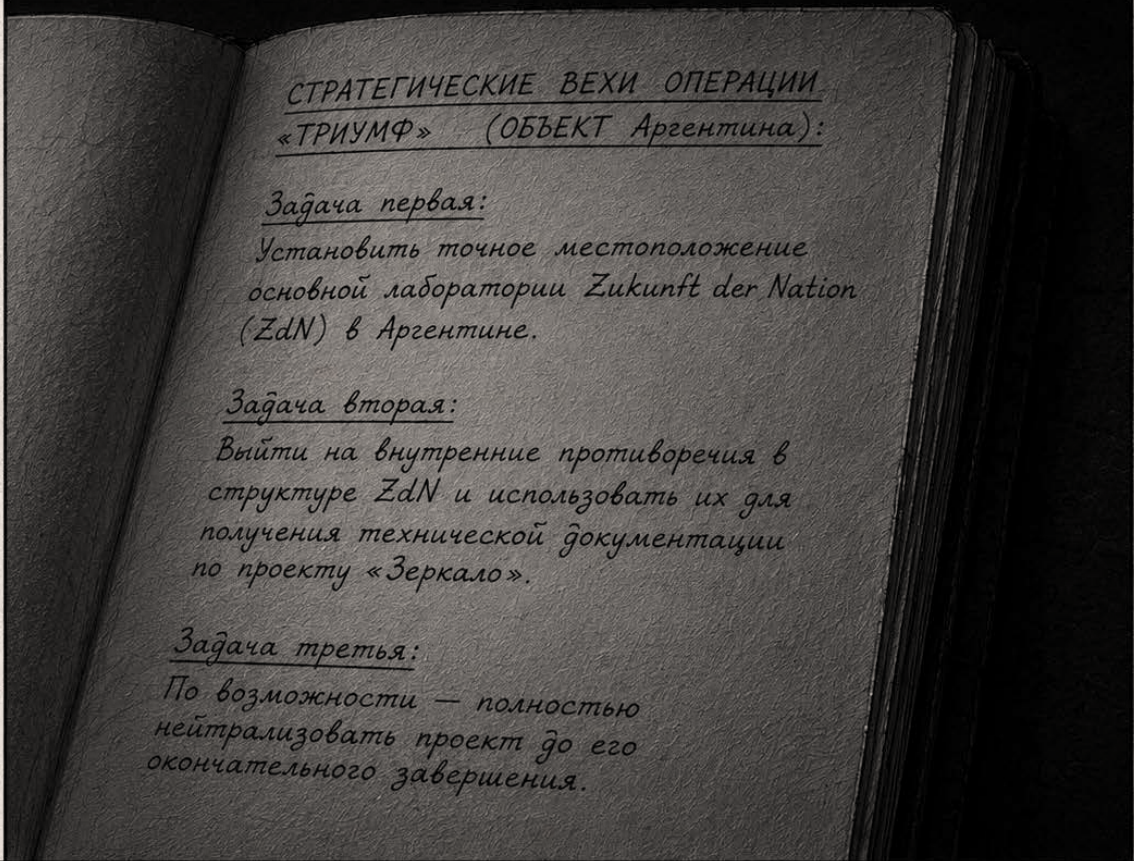
— Кто решил?

— Я.

— На каком основании?

— На основании того, что оружие, переписывающее человеческую идентичность, не является оружием в классическом смысле.

Это инструмент уничтожения того, что делает человека человеком. Применившая его сторона получает не победу, а другую проблему. Серебряный смотрел на него несколько секунд.

— Вы это сами придумали или у вас есть теоретическая база?

— Сам. Но могу обосновать.

— Потом, — сказал Серебряный. — Пока достаточно, что вы это думаете. — Он снова посмотрел на доску. — У вас есть человек, который знает структуру изнутри?

— Есть. Перевербованный офицер. Барон фон Рауффенштайн.

— Я его знаю.

Северин поднял голову.

— Откуда?

— Буэнос-Айрес, сороковой год. Мы сидели за одним столом на приёме в немецком посольстве. Он показался мне человеком с принципами. — Серебряный чуть усмехнулся — первый раз за разговор. — Это редкость в посольских кругах. Я запомнил.

— Вы говорили?

— Два часа. О Достоевском и о природе государственного насилия. Он занял неожиданную позицию для немецкого офицера.

— Какую?

— Что государственное насилие оправдано только тогда, когда оно предотвращает большее насилие. И что у каждого человека есть личная ответственность за то, какое насилие он обслуживает. — Серебряный встал. — Я тогда не знал, что он из структуры, конкурирующей с Аненербе.

— ZdN. Это объясняет позицию. Аненербе — идеология. ZdN — прагматика. **Прагматик может иметь принципы. Идеолог — нет, у него вместо принципов доктрина.**

Северин закрыл книжку.

— Вы согласны?

Серебряный посмотрел на шахматную доску. На стихи на стене. На узкое окно под потолком, через которое было видно только небо — серое петербургское небо, одинаковое снаружи и изнутри.

— Одно условие, — сказал он.

— Слушаю.

— Моё дело. Я хочу знать, кто подписал обвинение.

— Зачем?

— Не для мести, — сказал Серебряный. — Для понимания. Одиннадцать месяцев я думаю об одном вопросе: почему именно я. Не из обиды — из профессионального интереса. Человек, который выбрал именно меня, знал что-то или хотел чего-то конкретного. Это информация. Она может быть полезна.

Северин смотрел на него долго.

— Я не могу обещать имя. Могу обещать, что попытаюсь узнать.

— Этого достаточно, — сказал Серебряный. — Я привык работать с неполной информацией.

* * *

Они шли по коридору — Серебряный впереди, Северин чуть сзади. У выхода стоял Яковлев. Серебряный увидел его и остановился.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. Яковлев — с тем своим выражением, которое не выражало ничего. Серебряный — с интересом.

— Гейдельберг? — спросил Серебряный.

— Да, — сказал Яковлев.

— Вы там преподавали?

— Учился.

— Странно. — Серебряный смотрел на него. — У вас осанка преподавателя, не студента.

— Это комплимент? — спросил Яковлев.

— Наблюдение, — сказал Серебряный. — Я пока не знаю, комплимент это или нет.

Яковлев чуть кивнул. Отступил в сторону, пропуская к выходу. Серебряный вышел на улицу и остановился.

Петербург в мае был серым и настоящим — запах Невы, трамвай где-то за углом, небо без бомбардировщиков сегодня. Одиннадцать месяцев он видел только кусок этого неба через окно под потолком.

Он постоял минуту. Не как человек, который вдыхает свободу — как человек, который проверяет, всё ли на месте. Потом повернулся к Северину.

— Когда начинаем?

— Через три дня — отбор в школу. Через две недели — первая оперативная встреча с Рауффенштайном. Через месяц — первый выезд.

— Куда?

— Пока не знаем точно. Ближайшая точка контакта с ZdN — Лиссабон.

— Лиссабон я знаю, — сказал Серебряный. — Там есть один человек, который знает всех. Его зовут Агостиньо Карвалью. Он продаёт антикварные книги и информацию. Второе дороже.

— Вы с ним работали?

— Я у него покупал книги. Это разные вещи. — Серебряный поднял воротник пальто. — Но основа для разговора есть.

Северин записал.

— Ещё что-нибудь?

— Да. — Серебряный посмотрел на Яковлева, который стоял у входа и смотрел в другую сторону. — Он всегда так — немного в стороне?

— Обычно.

— Это продуманная позиция или характер?

— Не знаю, — сказал Северин. — Я ещё не решил, есть ли разница.

Серебряный подумал.

— Есть, — сказал он. — Но это долгий разговор. — Он убрал руки в карманы. — Ведите меня к Попову. Я слышал про него. Хочу посмотреть.

— Откуда слышали?

— В Токио, тридцать седьмой год. Японский военный атташе упомянул советского учёного, который приезжал читать лекции. Сказал: *«Этот человек понимает, как работает человеческий мозг, лучше, чем мозг понимает сам себя»*. Для японского военного — очень высокая оценка.

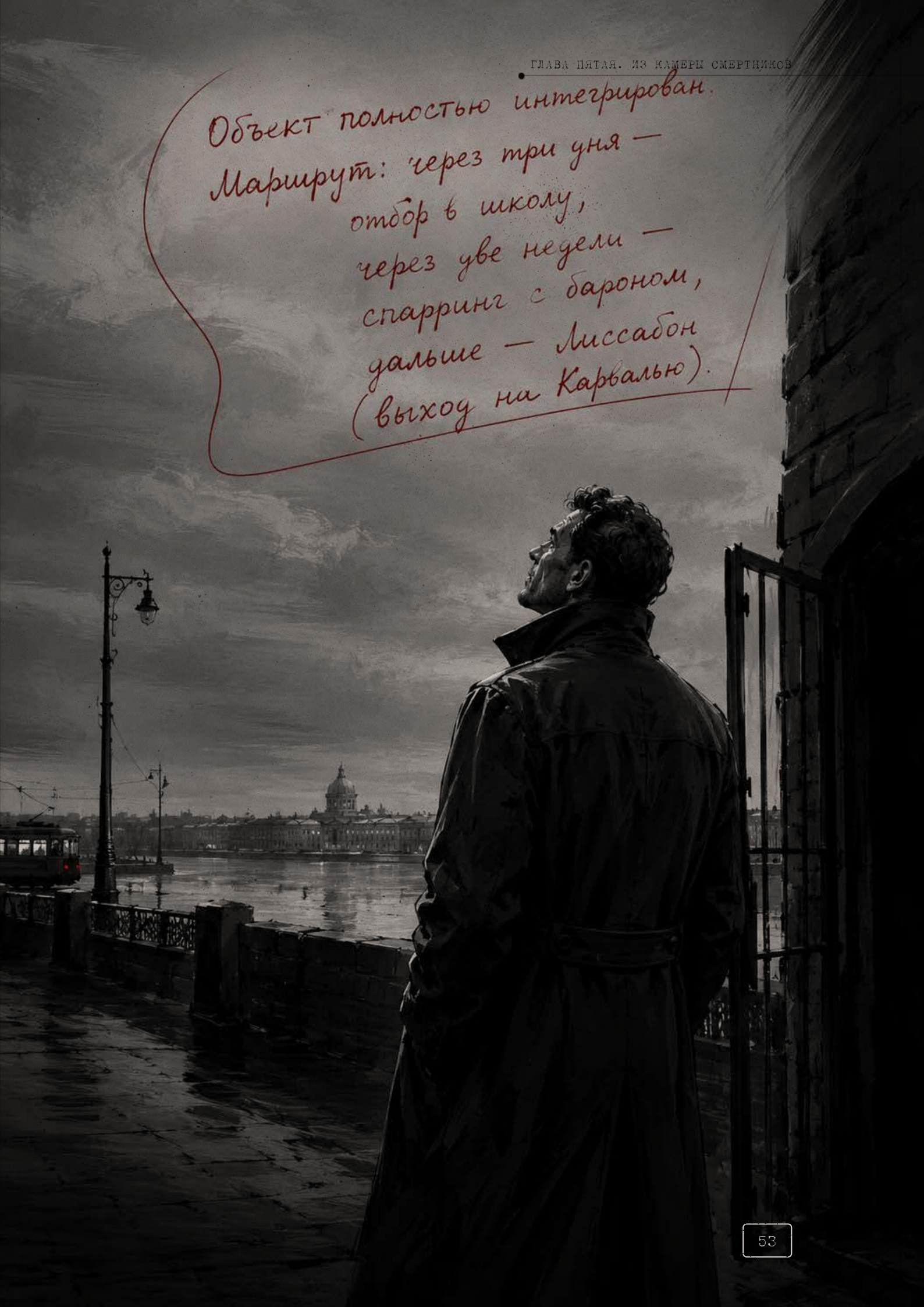
Северин смотрел на него.

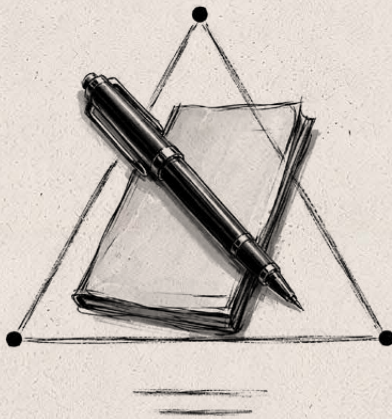
— Это был Попов?

— Имя не называлось. Но описание совпадает. — Серебряный двинулся вперёд. — Или у вас есть другой такой человек?

* * *

Объект полностью интегрирован.
Маршрут: через три дня —
отбор в школу,
через две недели —
спарринг с бароном,
далее — Лиссабон
(выход на Карвалью).

Камера номер семнадцать оставалась пустой три дня.

Потом туда привели другого.

Шахматная доска на полу продержалась до первой уборки — дня четыре. Стихи на стене — дольше: новый жилец их не стирал, просто не обращал внимания. Потом штукатурку переложили.

Ход белой пешки на е5 так и остался незаписанным нигде, кроме памяти одного человека, который к тому времени был уже далеко.

* * *

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Попов строит

ОБЪЕКТ 9832/21. ФАЗА 06: ЗАПУСК ПРАКТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ «ТРИУМФ».
НАЧАЛО ОТБОРА.

Попов приехал на трамвае. Северин ждал его у ворот базы с машиной — так было условлено. В восемь утра машина стояла, Попова не было. В половину девятого Северин позвонил на квартиру. Никто не ответил. В девять Попов появился из-за угла с небольшим кожаным портфелем и видом человека, который пришёл именно тогда, когда собирался.

— Машина стояла, — сказал Северин.

— Я знаю, — сказал Попов. — Я её видел. Трамвай быстрее в этот час. — Он посмотрел на ворота. — Это здесь?

— Здесь.

— Хорошо. Покажите мне сначала не базу. Покажите мне людей.

* * *

Григорий Семёнович Попов был невысок, лысоват и носил очки с одним треснувшим стеклом — правым. Северин потом спрашивал у Яковлева, давно ли треснуло. Яковлев сказал: лет семь, не меньше. Почему не починил — неизвестно. Спрашивать бессмысленно.

Попов прошёл по базе, как проходят по незнакомому городу — без карты, без экскурсовода, просто смотрел и запоминал. Остановился у столовой, где в этот час завтракали человек двенадцать — хозяйственный персонал, дежурные, двое из охраны.

Встал у стены. Смотрел восемь минут. Потом повернулся к Северину.

— Вот тот, у окна. В гимнастёрке без петлиц.

— Сержант Ковалёв. Хозяйственная часть.

— Он боится высоты.

— Откуда вы...

— И левша, хотя работает правой. Переучили в детстве. Это значит, что у него высокая адаптивность — умеет делать то, что неестественно, и не жаловаться. Полезное качество. — Попов открыл портфель, достал маленький блокнот. — А та женщина у раздачи — она единственная здесь, кто не смотрит на нас. Все остальные посмотрели.

Это или профессиональная выдержка, или она глубоко в своих мыслях. Нужно выяснить, что именно. Первое полезно. Второе зависит от мыслей.

Северин смотрел на него.

— Вы это за восемь минут?

— За шесть, — сказал Попов. — Последние две я просто проверял.

— Он закрыл блокнот. — Теперь покажите кандидатов.

* * *

Кандидатов было двадцать три человека. Они сидели в большой комнате на первом этаже, которую Северин распорядился освободить накануне. Офицеры из Военного института физической культуры, трое с исторического факультета, двое с лингвистического, несколько инженеров-конструкторов. Все с личными делами, все проверенные, все — по бумагам — подходящие.

Попов вошёл, посмотрел на них. Поставил портфель. Сел в угол — не во главе стола, в угол, где его не было видно сразу. И ничего не сказал.

Прошло пять минут. Потом десять. Двадцать три человека переглядывались, кашляли, смотрели в окно. Кто-то начал тихо разговаривать с соседом. Кто-то встал, прошёлся. Один молодой офицер достал книгу и начал читать — демонстративно, но читал по-настоящему, страницы переворачивал.

Попов наблюдал.

Через сорок минут он встал, подобрал портфель и вышел. Нашёл Северина в коридоре.

— Девять, — сказал он.

— Что девять?

— Девять из двадцати трёх. Остальных отпустите.

Северин помолчал.

— На каком основании?

— На основании того, что я видел сорок минут.

— Вы с ними не разговаривали.

— Не нужно. — Попов открыл блокнот, показал страницу. Девять имён, и напротив каждого — несколько слов. — Разговор проверяет, что человек хочет показать. Молчание проверяет, что он есть. Мне нужно второе.

Северин взял блокнот. Прочитал. Имена совпадали с теми, кого он сам отметил интуитивно — и двое, которых он не отметил, но которых теперь, глядя на попову запись, понял почему надо было.

— Хорошо, — сказал он.

* * *

Громов поймал Попова вечером.

— Девять человек, — сказал он. — Это мало.

— Достаточно, — сказал Попов.

— Для чего достаточно?

— Для первого потока. — Попов смотрел на него с вежливым интересом. — Вы думаете о количестве. Я думаю о скорости. Двадцать три человека с разной скоростью обучения — это двадцать три индивидуальные программы. Девять — это девять. Разница не в числе. В управляемости процесса.

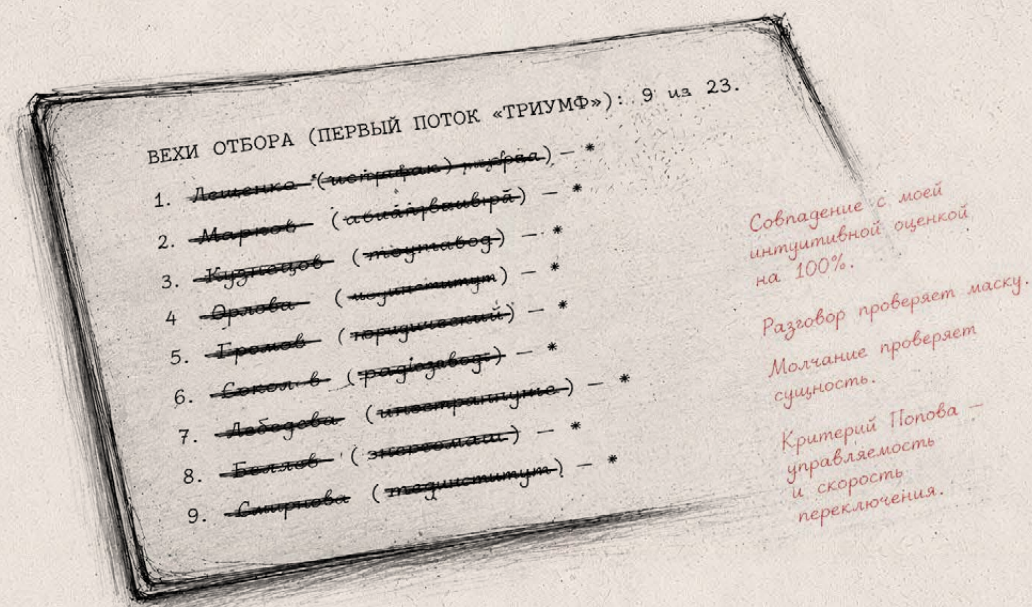
— У нас война, — сказал Громов. — Нам нужны люди сейчас.

— Вам нужны правильные люди через три месяца, — сказал Попов. — Или неправильные люди через три недели. Вы уже пробовали второй вариант. Результат вы знаете.

Громов смотрел на него.

— Вы знаете про первую операцию?

— Яковлев рассказал. В общих чертах. — Попов снял очки, протёр треснувшее стекло. — Я не критикую. Я описываю условие задачи. **Вся проблема в скорости обучения — но скорость нельзя ускорить произвольно. Можно найти правильную скорость для конкретного человека. Это другое.**

— И вы можете это сделать?

— Я уже делаю, — сказал Попов. — Вы просто пока не видите, потому что ещё ничего не началось.

Громов ушёл. Попов посмотрел ему вслед с выражением человека, который видит результат раньше, чем он произошёл.

* * *

Яковлев нашёл его в десять вечера в пустой учебной комнате. Попов сидел за столом и что-то писал — быстро, без помарок.

— Программы? — спросил Яковлев.

— Нет. Программа одна. Я пишу девять вариантов скорости. — Попов не поднял голову. — Сядь.

Яковлев сел. Они помолчали — так молчат люди, которым не нужен разговор для присутствия.

— Громов недоволен, — сказал Яковлев.

— Знаю. Он будет недоволен ещё шесть недель. Потом перестанет.

— Почему шесть?

— Потому что через шесть недель первый результат будет виден. Громов реагирует на результат, не на процесс. Это нормально. Разные типы.

— А ты реагируешь на что?

Попов поднял голову. Посмотрел на Яковлева через треснувшее стекло.

— На момент, когда человек переходит из одного состояния в другое. — Он помолчал. — Ты это видел когда-нибудь?

— Видел.

— Редко видишь дважды с одним человеком. Но когда видишь — это лучшее, что есть в этой работе.

Яковлев кивнул.

— Рауффенштайн, — сказал он.

— Что — Рауффенштайн?

— Ты хочешь с ним поговорить.

— Я уже поговорил, — сказал Попов. — Пока тебя не было. Сегодня днём. — Он снова взял ручку. — Интересный человек. Он думает о природе обучения иначе, чем я. Но вопросы задаёт правильные.

— Громов об этом знает?

— Нет. И не нужно пока. Громов увидит результат, не процесс. — Попов написал строчку. — Ты знал, что у него мать русская?

— У Рауффенштайна? Знал.

— Он думает по-русски, когда устаёт. По-немецки — когда контролирует. Это важно знать.

Яковлев смотрел на него.

— Откуда ты это знаешь?

— Он допустил три русских идиомы в немецкой фразе. Непроизвольно. Значит, думал по-русски. Значит, устал контролировать. — Попов поднял голову. — Это не значит, что он говорил правду. Это значит, что он говорил то, что думает. Разные вещи.

* * *

Первое занятие состоялось через три дня.

Попов пришёл в учебную комнату без конспекта, без плана, без наглядных материалов. Девять человек сидели за столами. Попов посмотрел на них секунду, потом сказал:

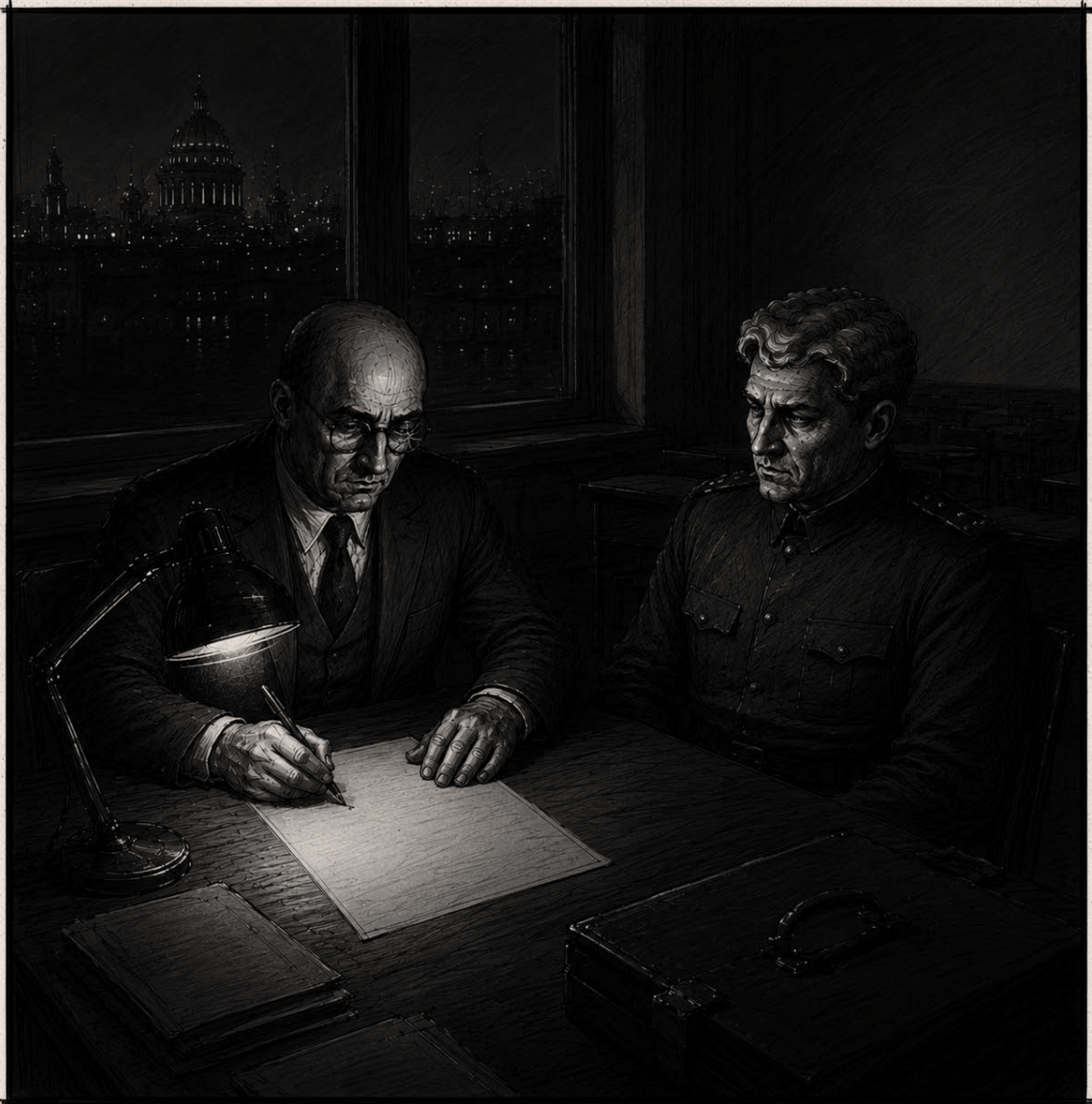
— Расскажите мне что-нибудь, чего я не знаю.

Тишина.

— Любой из вас. Что угодно. Одно условие: это должно быть что-то, в чём вы уверены полностью.

Долгая пауза. Потом один — молодой офицер с исторического факультета, Лещенко — сказал:

— Битва при Адрианополе. Триста семьдесят восьмой год. Римская кавалерия атаковала раньше сигнала. Это решило исход.

- Почему раньше?
- Точно неизвестно.
- Значит, вы не знаете это полностью, — сказал Попов. — Ещё кто? Другой — инженер, Марков, которого взяли с авиационного завода — сказал:
- Металл меняет структуру при температуре выше точки Кюри. Это точно.
- Какой металл?
- Железо. Ферромагнетики.
- Хорошо. — Попов сел. — Вы сейчас сделали интересную вещь. Лещенко ответил общим знанием и назвал его полным. Марков ответил частным знанием и сразу уточнил границу. Это разные типы мышления. Ни один не лучше другого. Но в разных задачах нужен

разный. — Он посмотрел на них. — Вы будете работать в ситуациях, где неизвестно, какая задача возникнет следующей. Значит, вам нужно уметь переключаться. Именно этому мы будем учиться. Не фактам. Не навыкам. Переключению.

Лещенко поднял руку.

— За какой срок?

— Зависит от вас, — сказал Попов. — Не от меня. Я только создаю условия. Скорость — ваша.

* * *

Через две недели Громов зашёл к Северину.

— Они другие, — сказал он. Без предисловий.

— Кто?

— Девять. — Громов помолчал. — Я не могу объяснить точно. Но они другие, чем были две недели назад. — Ещё пауза. — Попов что-то делает. Я не понимаю что.

Северин записал в книжку.

— Через четыре недели спросите его сами.

— Он объяснит?

— Вероятно. Он объясняет всё — он просто делает это тогда, когда считает нужным, а не тогда, когда спрашивают.

Громов подумал.

— Это неудобно.

— Да, — согласился Северин. — Но результат вы уже видите.

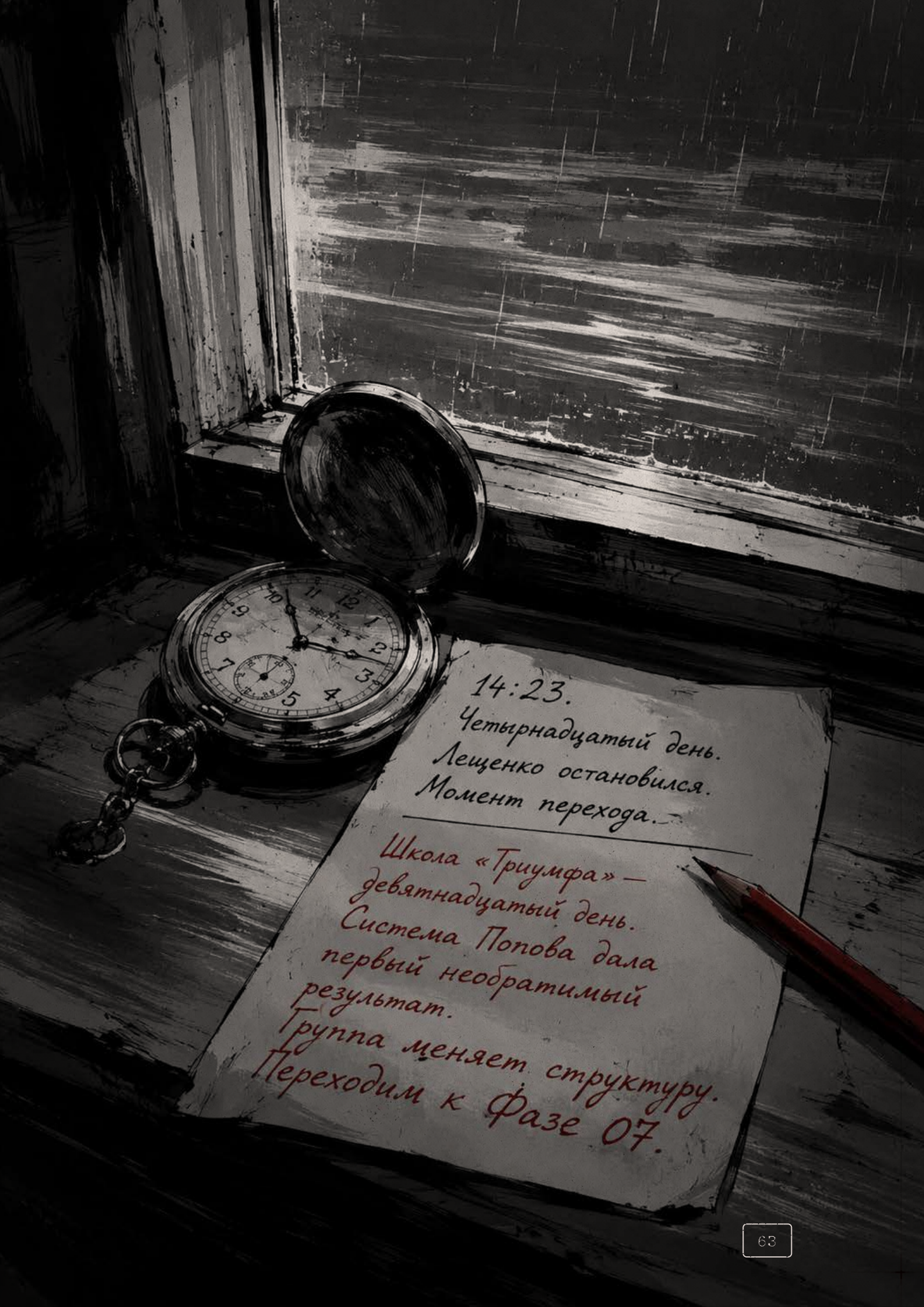
Громов кивнул и вышел. Северин закрыл книжку.

За окном шёл дождь — петербургский, горизонтальный, упрямый. Школа «Триумфа» существовала девятнадцатый день. Попов ни разу не подписал ни одного приказа. Яковлев подписывал всё. Рауффенштайн каждый день два часа разговаривал с кем-то из девяти — по очереди, без протокола, без Громова в комнате. Серебряный изучал материалы по Аргентине и раз в день задавал Рауффенштайну один вопрос, который тот называл «хирургическим».

Что-то складывалось. Северин пока не видел форму целиком. Только части.

Это тоже было нормально. Он привык к длинным задачам.

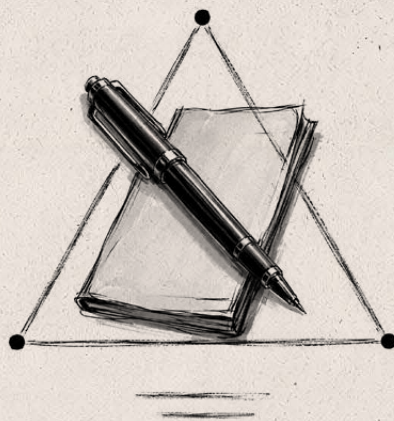
* * *

A pocket watch with a chain and a pencil lying on a piece of paper with handwritten notes. The watch is open, showing the face with numbers 1-12 and a small sub-dial at 6 o'clock. The pencil is red and lies horizontally to the right of the paper. The paper is placed on a wooden surface, possibly a desk or table, with a window in the background showing a view of a building.

14:23.

Четырнадцатый день.
Лещенко остановился.
Момент перехода.

Школа «Триумфа» —
девятнадцатый день.
Система Попова дала
первый необратимый
результат.
Группа меняет структуру.
Переходим к фазе 07.

Попов в этот вечер сидел у окна и смотрел на дождь.

Он думал о Лещенко — о том, как тот на четырнадцатый день занятий впервые остановился в середине ответа и сказал: «Подождите. Я не уверен». Раньше никогда не останавливался. Говорил до конца, уверенно.

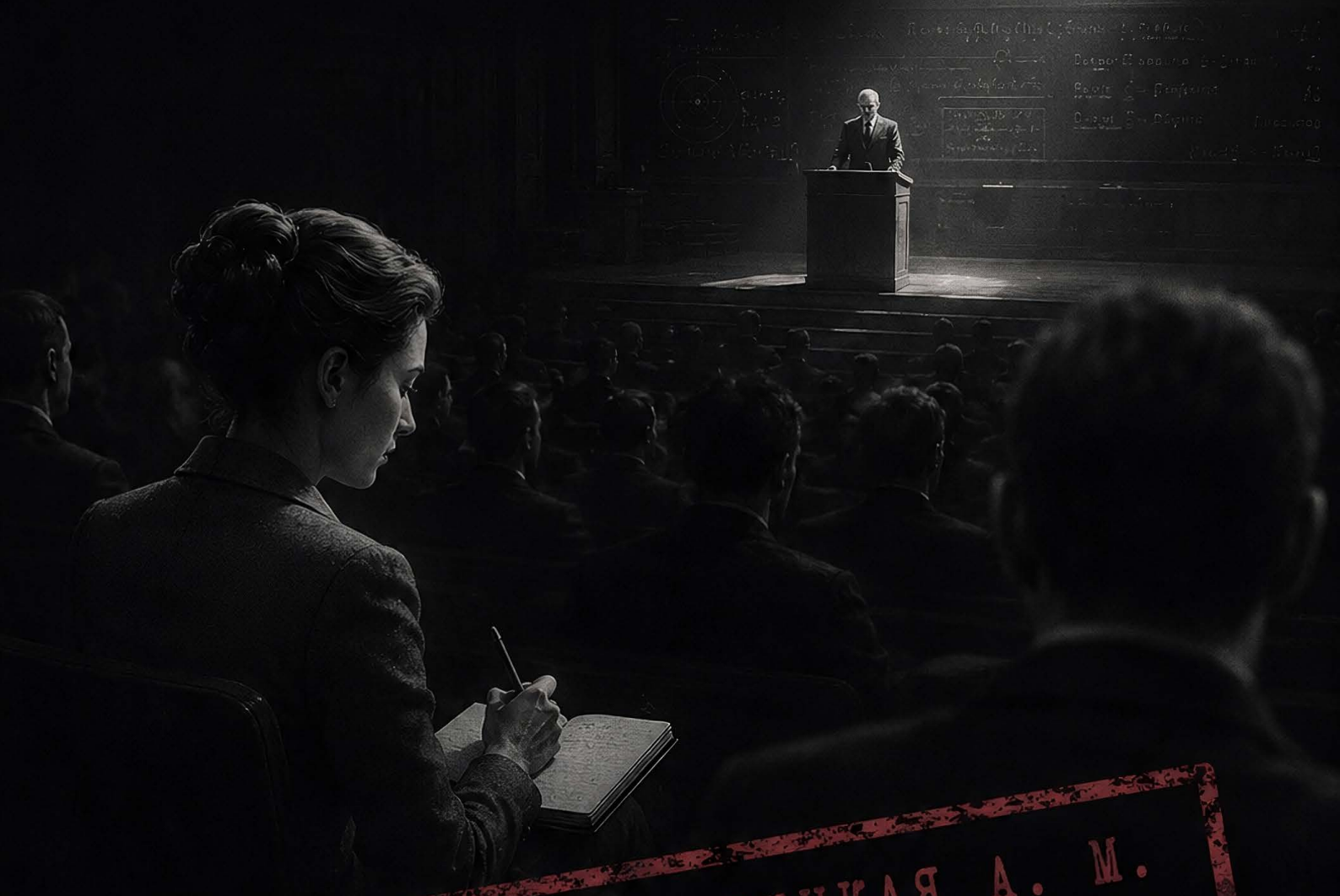
Это был момент перехода.

Попов записал время: 14:23. Четырнадцатый день.
Быстро. Очень быстро для этого типа.

* * *

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Охота в тепле

ОБЪЕКТ: ВЕРЖБИЦКАЯ А. М.
СТАТУС: НАБЛЮДЕНИЕ.
ВЫЯВЛЕН СВЯЗУЮЩИЙ СИГНАЛ.

Семинар назывался «Распространение радиоволн в условиях атмосферных помех». Это было правдой. Семинар действительно был про радиоволны — Громов не любил полной ленинградской легенды, считая, что правдивое прикрытие держится дольше. Четырнадцать приглашений, закрытая аудитория Академии наук, среда в три часа дня. Докладчик — настоящий, специалист из Политехнического, который ничего не знал о второй цели мероприятия и просто читал то, что читал всегда.

Громов сидел в третьем ряду и слушал про атмосферные помехи. Рядом с ним сидел Марков — тот инженер с авиационного завода, которого Попов отобрал в числе девяти. Марков был здесь на первом реальном задании и держался хорошо: не озирался, не деревенел, смотрел на докладчика с профессиональным интересом, который не был полностью сыгранным.

— Третий ряд справа, — сказал Громов тихо, почти не двигая губами. — Женщина в сером.

— Вижу, — сказал Марков так же тихо.

— Что замечаете?

Пауза. Марков смотрел на докладчика.

— Она делает пометки не в те моменты, когда другие делают пометки.

— Продолжайте.

— Другие пишут, когда докладчик называет цифры или формулы. Она пишет, когда он описывает принцип. — Ещё пауза. — Это человек, который уже знает цифры. Ему интересен принцип.

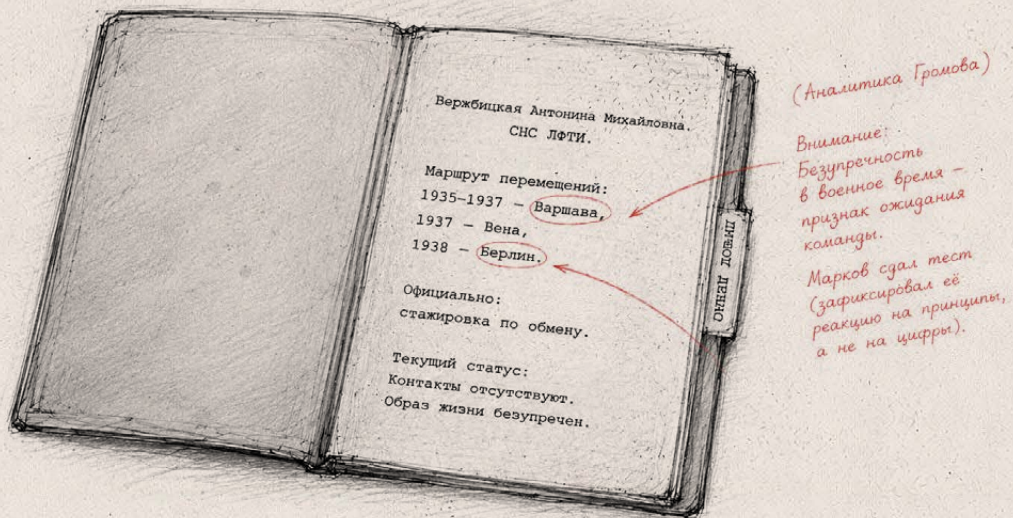
— Хорошо, — сказал Громов.

Это был восемнадцатый день занятий у Попова. Марков не знал, что только что сдал экзамен.

* * *

Её звали Антонина Вержбицкая. По документам — старший научный сотрудник Ленинградского физического института, специализация — электромагнитные поля. Документы были настоящими, специализация настоящей, институт настоящим. Громов проверил трижды.

Настоящим было и то, что она работала в институте последние четыре года. Ненастоящим было то, что делала до этого — три года в Варшаве, год в Вене, год в Берлине. В личном деле это описывалось

как «стажировка по обмену». Громов в это не верил — не потому что имел доказательства, а потому что три страны за четыре года в тридцать восьмом году были слишком насыщенным маршрутом для обычной стажировки.

Он следил за ней двенадцать дней до семинара. Ничего. Абсолютно правильная жизнь: институт, библиотека, рынок, квартира на Васильевском острове, иногда кино. Никаких контактов, которые не объяснялись бы профессией или бытом.

Это тоже была информация. Люди, которые ведут абсолютно правильную жизнь в военное время, либо очень осторожны, либо ждут сигнала.

Она ждала сигнала. Семинар по радиоволнам был сигналом.

* * *

После доклада был кофе — плохой, но горячий. Люди стояли небольшими группами, говорили о распространении волн, о помехах, о том, что в условиях войны частоты перегружены. Вержбицкая стояла у окна одна. Смотрела на улицу.

Громов подошёл.

— Интересный доклад, — сказал он.

— Прикладная часть слабая, — ответила она, не поворачиваясь. Голос был ровным, без интереса к собеседнику.

— Вы правы. Теория убедительная, но как только дело доходит до реальных условий применения — он уходит в общие слова.

Теперь она повернулась. Посмотрела на него.

— Вы из Политехнического?

— Нет. — Громов назвал фамилию и институт, которые существовали и принадлежали реальному человеку, который в этот день был в командировке в Новосибирске. — Радиофизика, теоретический отдел.

— Я вас не знаю.

— Мы работаем в разных направлениях. — Он взял чашку с подноса. — Вас интересует практическое применение?

— Меня интересует принцип воздействия на идентификационные свойства сигнала, — сказала она. — Это немного другое.

В комнате стало — для Громова — очень тихо.

«Идентификационные свойства сигнала» — это была не стандартная формулировка. Это была конкретная терминология, которую он видел в одном месте: в материалах по проекту «Зеркало», которые передал Рауффенштайн. Там это называлось именно так: воздействие на идентификационные свойства принимаемого сигнала.

Она либо читала те же материалы. Либо участвовала в разработке.

— Это интересная область, — сказал Громов спокойно. — Я слышал, что есть несколько групп, которые работают в этом направлении. В том числе за рубежом.

— Есть, — сказала она. И посмотрела на него иначе — не с подозрением, с оценкой. — Вы что-то знаете об этих группах?

— Немного. — Он улыбнулся. — Но я бы хотел знать больше.

Пауза.

— Возможно, нам стоит поговорить отдельно, — сказала она.

— Я именно это и предлагаю.

* * *

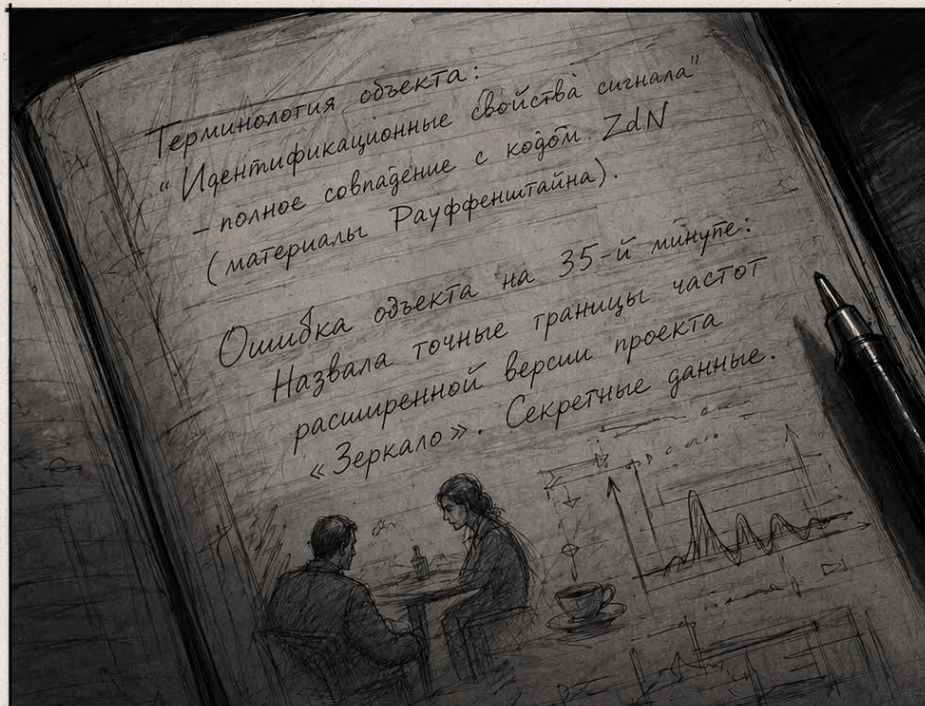
Они вышли вместе — Громов, Вержбицкая, и Марков, который шёл в двадцати шагах сзади и смотрел на витрины.

Кафе на Невском. Столик у стены. Вержбицкая заказала чай и не притронулась к нему.

Разговор шёл сорок минут. Громов задавал вопросы — осторожные, постепенные, каждый следующий чуть глубже предыдущего. Она отвечала — тоже осторожно, тоже постепенно. Это был профессиональный разговор двух людей, которые проверяют друг друга, не называя, что именно проверяют.

На тридцать пятой минуте она сделала ошибку.

Громов спросил про конкретный частотный диапазон, который в материалах Рауффенштайна был помечен как рабочий для расширенной версии «Зеркала». Она не просто подтвердила — она поправила его. Назвала более точные границы. Те, которых не было ни в каких открытых источниках.

— Вы очень хорошо знаете эту тему, — сказал Громов.

— Я долго занималась этим, — сказала она. И поняла, что сказала лишнее — он увидел это по секундной паузе, по тому, как она взяла чашку и поставила обратно.

— Антонина Михайловна, — сказал Громов, и его голос стал другим — не грубым, просто другим, — мне нужно, чтобы вы поехали со мной. Это не арест. Это разговор. Но разговор необходимый.

Она посмотрела на него. Потом на выход. Потом на Маркова, который сидел в двух столиках от них и читал газету.

— Сколько вас здесь? — спросила она.

— Достаточно, — сказал Громов. — Но это не важно, потому что вы умный человек и понимаете, что сопротивление сейчас — это худший из возможных выборов.

Долгая пауза.

— Хорошо, — сказала она. И встала сама, без помощи.

* * *

Разбор состоялся в десять вечера.

Северин, Громов, Яковлев. Марков ждал в коридоре — его это не касалось ещё.

— Она говорит? — спросил Северин.

— Пока нет. Но говорить будет. Она профессионал — понимает, что молчание в данной ситуации не спасёт, только затянет. — Громов открыл блокнот. — Важнее другое. Вопрос, который я не могу пока ответить.

— Какой?

— Семинар. Четырнадцать приглашений. Список составлялся здесь, в этой комнате, мной и Севериным. Никто посторонний не видел список. — Громов поднял голову. — Как она узнала про семинар?

Тишина.

— Вы уверены, что не было утечки через организационный канал? — спросил Яковлев.

— Организационный канал — это я и Академия. Академия получила заявку без темы — просто «закрытый семинар по физике, аудитория номер восемь». Тему знали только четырнадцать приглашённых. И мы трое.

— И она пришла, — сказал Северин.

— И она пришла.

Яковлев посмотрел на карту на стене.

— Кто-то из четырнадцати.

— Или кто-то из нас троих, — сказал Громов. Без интонации. — Я исключаю себя по очевидным причинам. Вас двоих исключаю по менее очевидным, но достаточным.

— Значит, кто-то из четырнадцати, — повторил Северин. — Кто они?

— Специалисты. Проверенные. Но проверка — это то, что было. Не то, что есть. — Громов закрыл блокнот. — Это второй фронт, о котором вы говорили с самого начала. Он открылся.

Северин записал в книжку. Долго смотрел на то, что написал.

— Не трогать, — сказал он наконец.

— Что не трогать?

— Список. Не проверять открыто, не менять приглашения, не ограничивать. Если тот, кто передал информацию, поймёт, что мы ищем — он уйдёт в тень. Нам нужно, чтобы он оставался на месте и продолжал работать.

— Это значит — следующая утечка, — сказал Громов.

— Это значит — следующая утечка будет контролируемой. — Северин закрыл книжку. — Используем его как канал. Будем знать, что именно противник получает. Когда нужно — дадим им то, что хотим, чтобы они знали.

Громов молчал секунду.

— Это сложно.

— Да. — Северин встал. — Именно поэтому нам нужна Вержбицкая. Она знает структуру ZdN изнутри — не как Рауффенштайн снаружи, а именно изнутри. Они вместе должны дать нам полную картину.

— Если она заговорит.

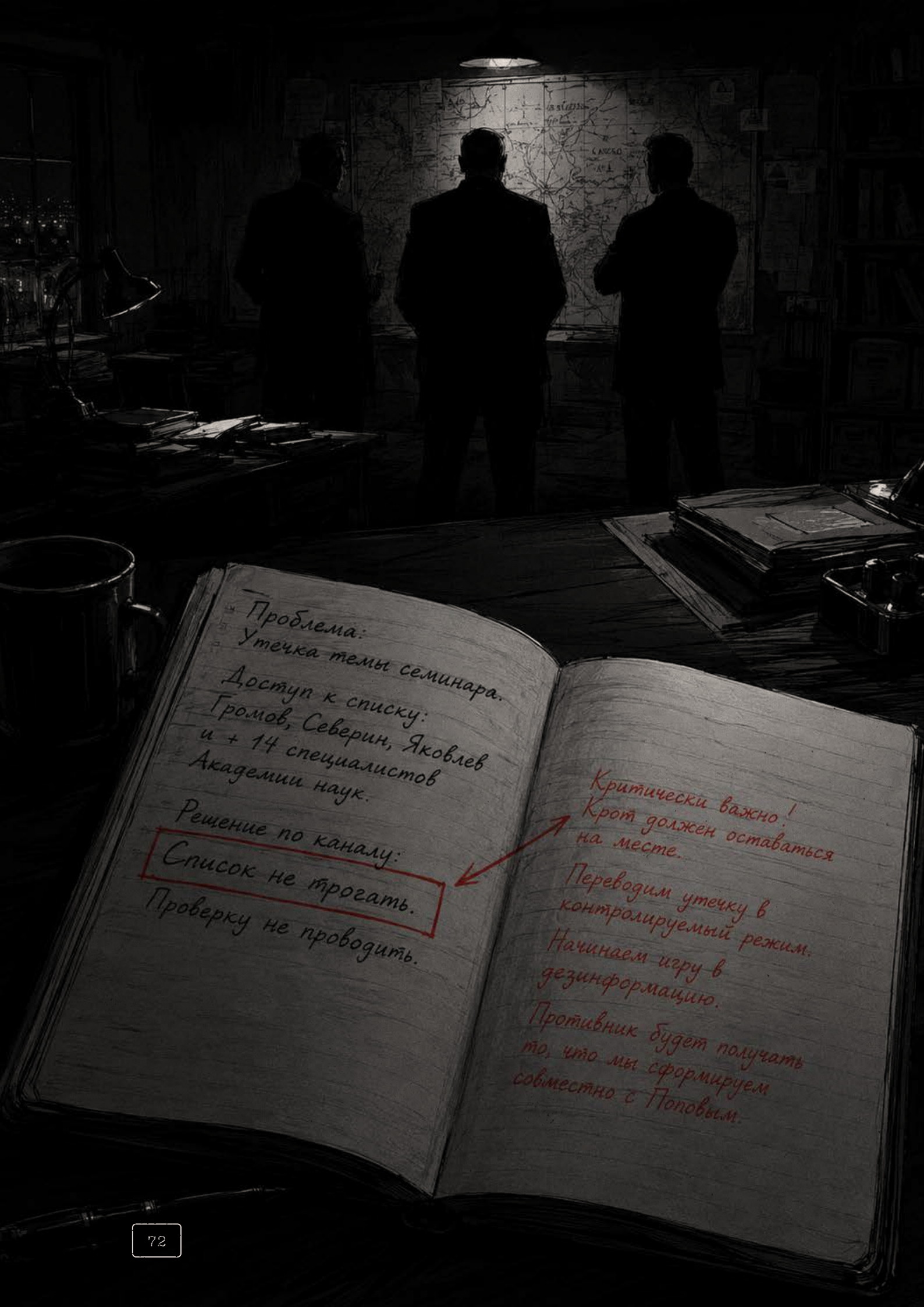
— Она заговорит, — сказал Яковлев. Первый раз за весь разговор. — Она пришла сама. Это что-то значит.

Громов посмотрел на него.

— Что именно?

— Что у неё тоже есть причина быть здесь. Своя. — Яковлев поднялся. — Найдите её причину — и разговора не нужно. Она сама всё расскажет.

* * *

Проблема:
Утечка темы семинара.
Доступ к списку:
Громов, Северин, Яковлев
и + 14 специалистов
Академии наук.

Решение по каналу:

Список не трогать.

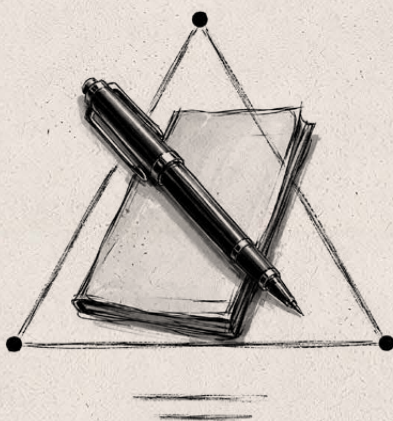
Проверку не проводить.

Критически важно!
Крот должен оставаться
на месте.

Переводим утечку в
контролируемый режим.

Начинаем игру в
дезинформацию.

Противник будет получать
то, что мы сформируем
совместно с Поповым.

Марков стоял в коридоре и смотрел на закрытую дверь.

Он думал о женщине в сером — о том, как она взяла чашку и поставила обратно. О том, как встала сама, без помощи. Это было что-то, что он раньше не видел и не знал, как называть.

Потом вспомнил, что Попов говорил про момент перехода. Может быть, это оно и было. Только не у курсанта на занятии, а у человека, которого только что взяли.

Он записал это в блокнот. Решил показать Попову завтра.

* * *

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Гейдельберг играет

ОПЕРАЦИЯ «ЛИССАБОН».
ОБЪЕКТ: «БЕРГ» (ЯКОВЛЕВ).
ВХОЖДЕНИЕ В КОНТАКТ С РЕЗИДЕНТУРОЙ ZbN.

Лиссабон в сорок третьем году был городом, который знал всё и делал вид, что не знает ничего. Нейтральная страна, нейтральный порт, нейтральные кафе, где за соседними столиками сидели люди, которые в любом другом месте убивали бы друг друга. Немецкие атташе и британские агенты заказывали кофе у одних и тех же официантов. Американцы, португальцы, поляки, венгры — все знали, кто есть кто, все делали вид, что нет. Это был негласный договор, который держал город живым.

Яковлев прилетел рейсом из Мадрида с документами швейцарского инженера-консультанта. Швейцарец по имени Клаус Берг существовал в реальности — он действительно жил в Цюрихе, действительно консультировал промышленные предприятия и действительно никогда не бывал в Лиссабоне. Документы были безупречными. Яковлев в них не нуждался — он думал на немецком и держался как немецкий швейцарец с той естественностью, которая не достигается тренировкой.

Гостиница на Руа-ду-Оро. Номер с видом на Тежу. Он распаковал вещи, принял душ, лёг на кровать и двадцать минут смотрел в потолок — не отдыхал, составлял карту того, что знал, и того, что предстояло узнать.

Потом оделся и пошёл в книжный магазин.

* * *

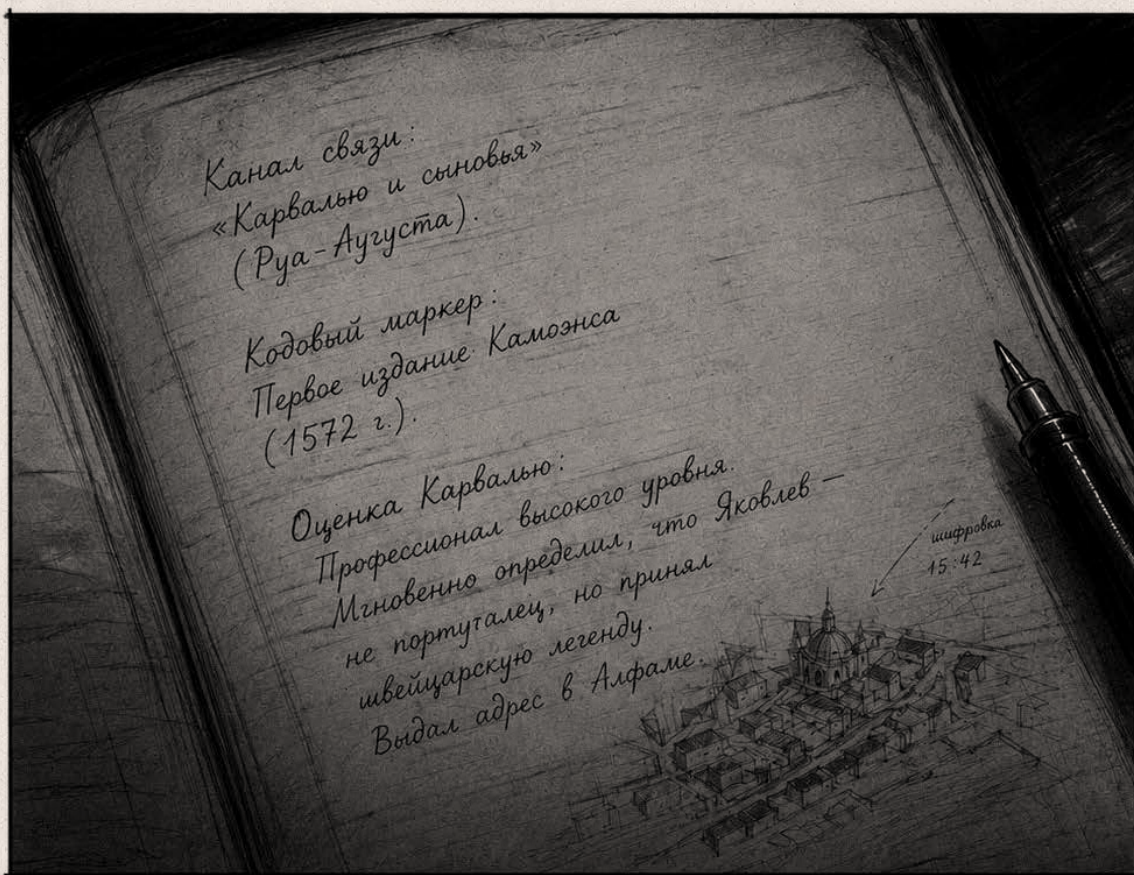
«Карвалью и сыновья» занимал первый этаж старого здания на Руа-Аугуста. Витрина была скромной — несколько томов в кожаных переплётках, географические карты, один глобус с потёртым меридианом. Внутри пахло старой бумагой и тем особым запахом, который бывает в местах, где хранится много слов.

Агостиньо Карвалью оказался маленьким человеком лет шестидесяти с руками, привыкшими к книгам — осторожными, точными. Он стоял за прилавком и не смотрел на вошедшего — занимался каталогом.

— Говорят, у вас есть первое издание Камоэнса, — сказал Яковлев по-португальски.

— Говорят много чего, — ответил Карвалью, не поднимая головы. — Что именно вас интересует?

— Издание тысяча пятьсот семьдесят второго года. Если настоящее — я готов платить.

Теперь Карвалью поднял голову. Посмотрел на Яковлева внимательно — не как смотрят на покупателя, как смотрят на документ, который нужно прочесть.

- Вы не португалец.
- Швейцарец. Коллекционирую редкие издания.
- Швейцарцы не знают Камозанса.
- Этот знает, — сказал Яковлев.

Пауза. Карвалью взял карандаш, написал что-то на клочке бумаги. Передал через прилавок.

На бумаге был адрес и время: завтра, восемь вечера.

— Приходите, — сказал Карвалью. — Камозанса не обещаю. Но поговорить можно.

Адрес оказался рестораном в Алфаме — старом районе на холме, где улицы были слишком узкими для машин и слишком тихими для разговоров, которые не предназначены посторонним.

Карвалью сидел уже за столиком с бокалом вина и человеком, которого Яковлев не ожидал увидеть.

Профессор Генрих Кастнер. Кафедра теоретической физики, Гейдельберг. Курс осени тридцатого года — математические основы электромагнитных полей. Яковлев прослушал его дважды.

Кастнер был старше, чем помнил Яковлев. Седина, очки с толстыми стёклами, та же привычка держать руки сложенными на столе. Он посмотрел на Яковлева — и что-то в его лице изменилось.

- Боже мой, — сказал он по-немецки тихо.
- Профессор, — сказал Яковлев. Сел напротив.

Карвалью посмотрел на них обоих, молча налил третий бокал и отодвинулся на стул к стене — давая понять, что его здесь нет.

- Я думал, вы... — Кастнер остановился.
- Живой, — сказал Яковлев.

— Последнее, что я слышал — тридцать девятый год, Варшава, потом ничего. — Кастнер смотрел на него. — Вы понимаете, что это значит — встретить вас здесь?

- Понимаю, — сказал Яковлев. — Именно поэтому я здесь.

Разговор шёл три часа.

Яковлев работал так, как умел только он: не играл роль, а использовал правду — ту её часть, которая совпадала с задачей. Он действительно учился у Кастнера. Он действительно знал Гейдельберг так, как знают место, которое сформировало. Кастнер это видел и поэтому верил — не документам, не легенде, а тому, что не подделывается.

Постепенно, через разговор о физике, о войне, о том, что случилось с Германией, Яковлев вышел на то, что нужно.

— Вы слышали, что Аненербе получило финансирование под новый проект? — спросил он. Осторожно, как бросают камень в воду, чтобы посмотреть на круги.

Кастнер помолчал.

— Слышал. Не детали.

— Детали интересные. — Яковлев взял бокал. — Говорят, они нашли способ расширить радиус воздействия. Не через радиосигнал — через другой принцип. Резонансный.

Это была ложь. Хорошо построенная — на основе реальных материалов, с правдоподобными техническими деталями, которые Яковлев получил от Рауффенштайна и Вержбицкой. Аненербе ничего подобного не находил.

Кастнер поставил бокал.

— Откуда у вас эта информация?

— Из источника, который я не назову. — Яковлев посмотрел на него прямо. — Генрих, я пришёл не за тем, чтобы продать информацию. Я пришёл потому что знаю, где вы работаете. И я знаю, что это значит — если Аненербе закончит раньше.

Долгая пауза.

— Вы понимаете, что вы сейчас делаете? — спросил Кастнер.

— Разговариваю со старым профессором о физике.

— Нет. — Кастнер снял очки, протёр стёкла. — Вы пришли с информацией о конкурентах. В нейтральном городе. Через книготорговца, который сводит нужных людей. — Он надел очки обратно. — Либо вы работаете на нас. Либо вы работаете против нас и используете нас против Аненербе. Третьего варианта нет.

— Есть третий вариант, — сказал Яковлев.

— Какой?

— Я работаю против Аненербе. Ваша структура — инструмент, не цель.

Кастнер смотрел на него.

— Почему вы против них?

— Потому что то, что они делают с наукой, — это не наука. — Яковлев поставил бокал. — Вы сами ушли из Германии именно по этой причине. Мы оба знаем это.

Пауза. Очень долгая.

— Что вам нужно конкретно? — спросил наконец Кастнер.

* * *

Яковлев вернулся в гостиницу в половину первого ночи. Сел у окна. Тежу внизу был чёрным и тихим. Где-то на той стороне — Африка, а дальше — атлантическая пустота.

Он написал в блокнот — не зашифрованным кодом, а обычными словами, потому что шифр был его собственной памятью: «Кастнер поверил. ZdN получит информацию об Аненербе через три дня. Реакция будет в течение недели. Кастнер знает больше о «Зеркале», чем показал. Вопрос: он сам участвовал в разработке или только знает о ней?»

Подумал. Дописал: *«Он узнал меня. Это значит, что моя легенда в ZdN строится на настоящей биографии. Это сильнее любой легенды. И опаснее».*

Ещё пауза.

«Кастнер — честный человек, который работает на нечестную структуру, потому что другого выбора у него нет. Я использую его честность. Это стоит чего-то. Пока не знаю, чего именно. Потом разберусь».

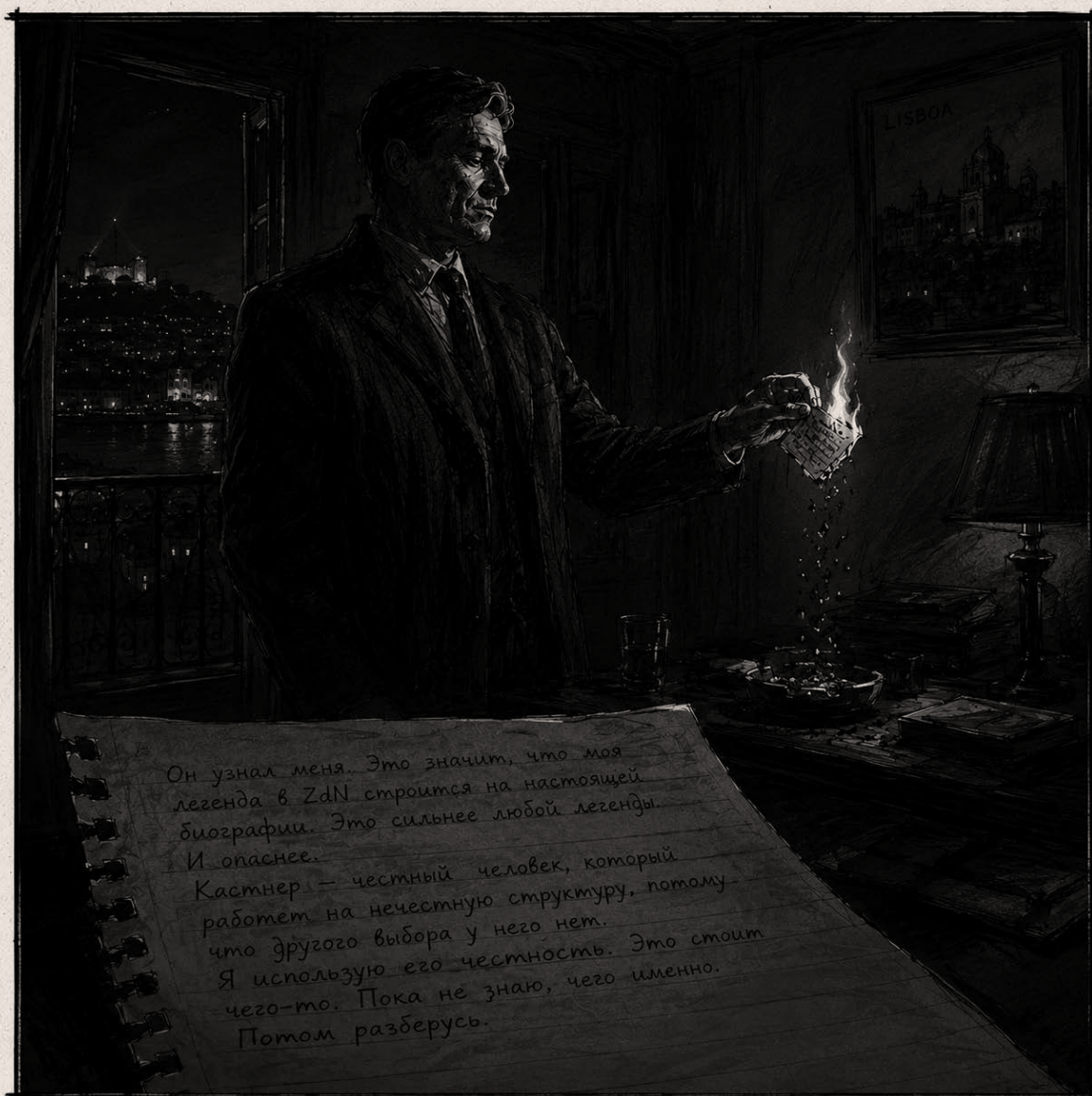
Закрыв блокнот. Лёг на кровать и снова уставился в потолок.

Гейдельберг, дорожка три. Дорожка семь. Кастнер читал лекцию про электромагнитные поля и говорил, что физика не знает идеологии, только законы. Это было правдой тогда.

Сейчас закон, который Кастнер открыл, собирался переписывать людей.

Яковлев думал об этом двадцать минут. Потом перестал — профессиональная привычка. Это было следующее. Не сейчас.

* * *

Он узнал меня. Это значит, что моя легенда в ZdN строится на настоящей биографии. Это сильнее любой легенды. И опаснее.
 Кастнер — честный человек, который работает на нечестную структуру, потому что другого выбора у него нет.
 Я использую его честность. Это стоит чего-то. Пока не знаю, чего именно.
 Потом разберусь.

Через три дня из Буэнос-Айреса в Лиссабон пришла шифрограмма. Карвалью передал Яковлеву её содержание через записку, оставленную в условленном месте — за третьим томом Камюэнса на нижней полке.

ZdN запрашивал подробности об аненербовском резонансном проекте. Срочно. Ответ — через Кастнера.

Яковлев прочитал. Сжёл записку над пепельницей. Посмотрел на пепел. Они проглотили.

Теперь начиналась настоящая часть. Та, где нужно было не просто дать им ложную информацию — а дать её так, чтобы они начали действовать. Чтобы «Зеркало» не успело.

Он написал Кастнеру записку. Назначил встречу на послезавтра.

* * *

.... Техническая спецификация
блока частотного резонанса
проекта „Зеркало“
(лаборатория ZdN,
Буэнос-Айрес).

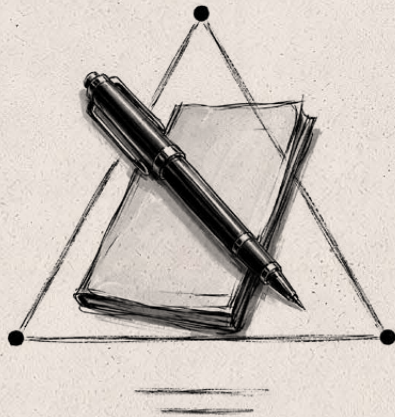
Вводные параметры контура...

Синхронизация 100%.

То, что Вержбицкая пишет
в Петербурге, и то, что
Яковлев вытягивает из Кастнера
в Лиссабоне — части одного
чертежа.

Фаза 08 завершена.

Система замыкается.

В тот же вечер в Петербурге Вержбицкая попросила бумагу и карандаш.

Громов принёс. Она написала два часа без остановки. Потом положила карандаш и сказала:

— Я хочу говорить с тем, кто принимает решения.
Громов пошёл за Севериным.

То, что Вержбицкая написала на листах, и то, что Яковлев в тот же час узнавал в Лиссабоне, описывало одно и то же — с двух сторон.

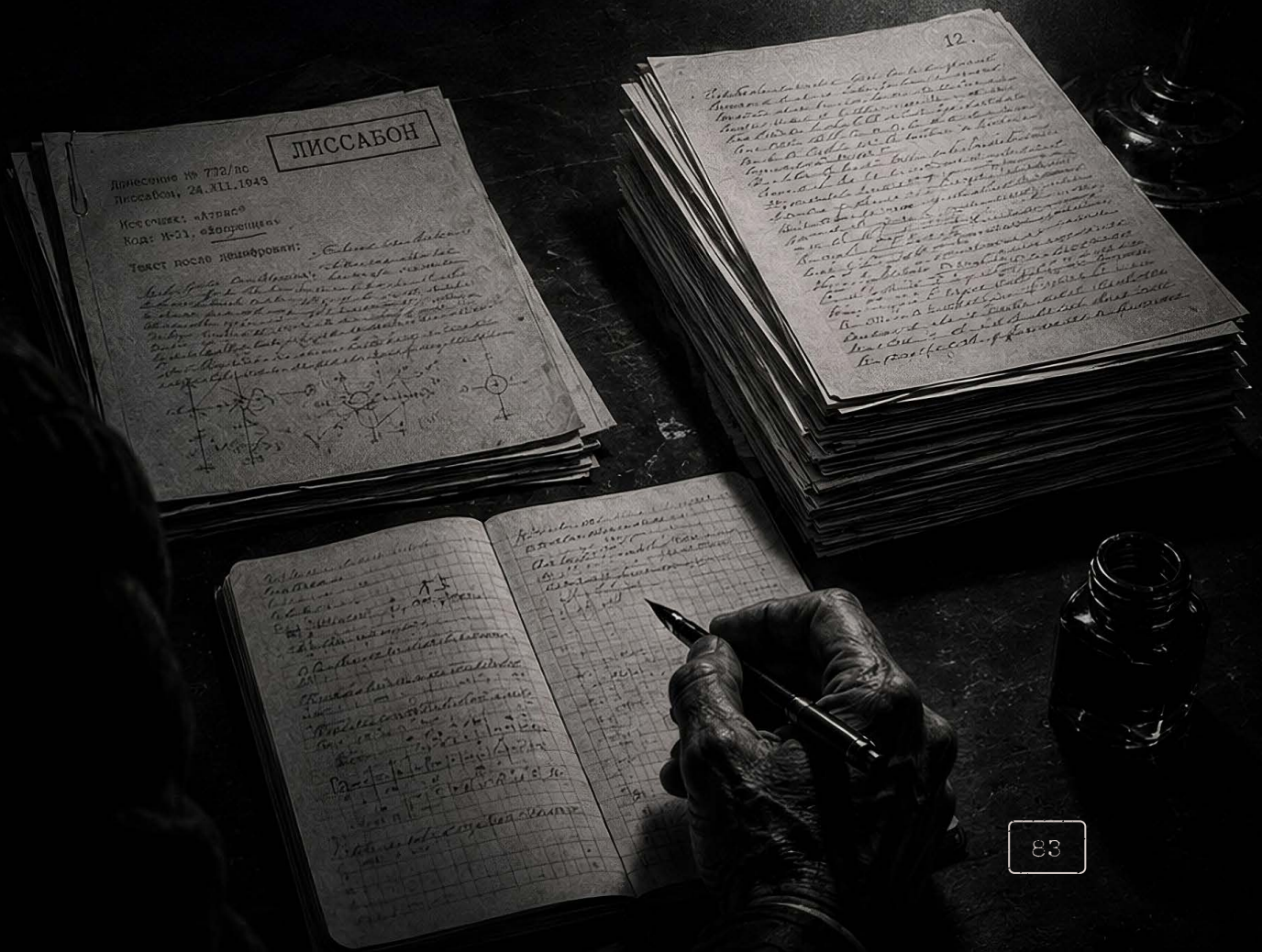
Через двое суток это станет ясно обоим.

* * *

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Два уравнения

СИСТЕМА СХОДИТСЯ.
ОПИСАНИЕ ОДНОГО ОБЪЕКТА С РАЗНЫХ КОНЦОВ.
ДВА УРАВНЕНИЯ РЕШЕНЫ.

Донесение из Лиссабона пришло в четверг утром. Серебряный расшифровал, передал Северину без комментариев. Северин прочитал, положил на стол. В той же стопке лежали листы, которые Вержбицкая написала в среду вечером — двенадцать страниц мелким ровным почерком, без помарок, как пишут люди, которые давно знают, что хотят сказать, и только ждали правильного момента.

Северин читал их параллельно — абзац из Лиссабона, абзац от Вержбицкой. На третьей странице он остановился. Написал в книжку: *«Они описывают одно и то же. С разных концов».*

Позвал Громова.

* * *

Громов читал дольше. Он читал методично, без спешки, иногда возвращался назад. Потом поднял голову.

— Яковлев пишет про резонансный принцип как про ложную информацию, которую он дал Кастнеру. — Пауза. — Вержбицкая пишет, что фон Вернер отказался от радиосигнала именно потому, что резонансный принцип был тупиком. Они уже знали об этом тупике три года назад.

— Да, — сказал Северин.

— Яковлев дал им ложь, которая совпала с их собственным провалом.

— Именно.

— И они сейчас думают, что Аненербе идёт по тому же тупику.

— Именно.

Громов помолчал.

— Это значит, что ZdN сейчас не паникует из-за конкурента. Они радуются. Они думают, что Аненербе потеряет год.

— Да, — сказал Северин. — И именно поэтому они ускорят собственный проект. Снимут часть ограничений, которые ставили из осторожности. Начнут форсировать.

— И сделают ошибку, — сказал Громов медленно.

— Вержбицкая пишет, что фон Вернер никогда не форсировал без полной готовности. Это его принцип. Если он изменит принципу — он ошибётся. — Северин закрыл папку. — Нам не нужно уничтожать лабораторию. Нам нужно только одно: чтобы они поторопились.

* * *

Вержбицкая вошла сама — Громов не конвоировал, просто открыл дверь. Она посмотрела на стопку листов на столе. На Северина. На то, как он сидит — не как следователь, как человек, который уже всё понял и теперь ждёт подтверждения.

— Вы прочитали, — сказала она.

— Да. — Северин указал на стул. — Сядьте. Один вопрос.

Она села.

— Вержбицкая, кто передал вам информацию о семинаре?

Долгая пауза.

— Вы уже знаете, — сказала она. Не вопрос.

— Нет. Я знаю круг из четырнадцати человек. Я не знаю кто именно.

Она посмотрела на стол.

— Профессор Дьяченко. Кафедра радиофизики. Он не знал, что я из ZdN. Он думал, что помогает немецкому коллеге, который остался в СССР после войны и хочет поддерживать научные контакты.

Северин записал.

— Он знал, что вы немецкий агент?

— Нет. Он добрый человек, который хотел помочь коллеге. — Она посмотрела прямо. — Именно поэтому я назвала его. Потому что если вы будете его искать — вы его не найдёте. Он ничего не сделал намеренно.

Северин смотрел на неё.

— Почему вы защищаете его?

— Потому что он не виноват, — сказала она. — А я — да. Это разница.

* * *

Громов поймал Северина в коридоре после.

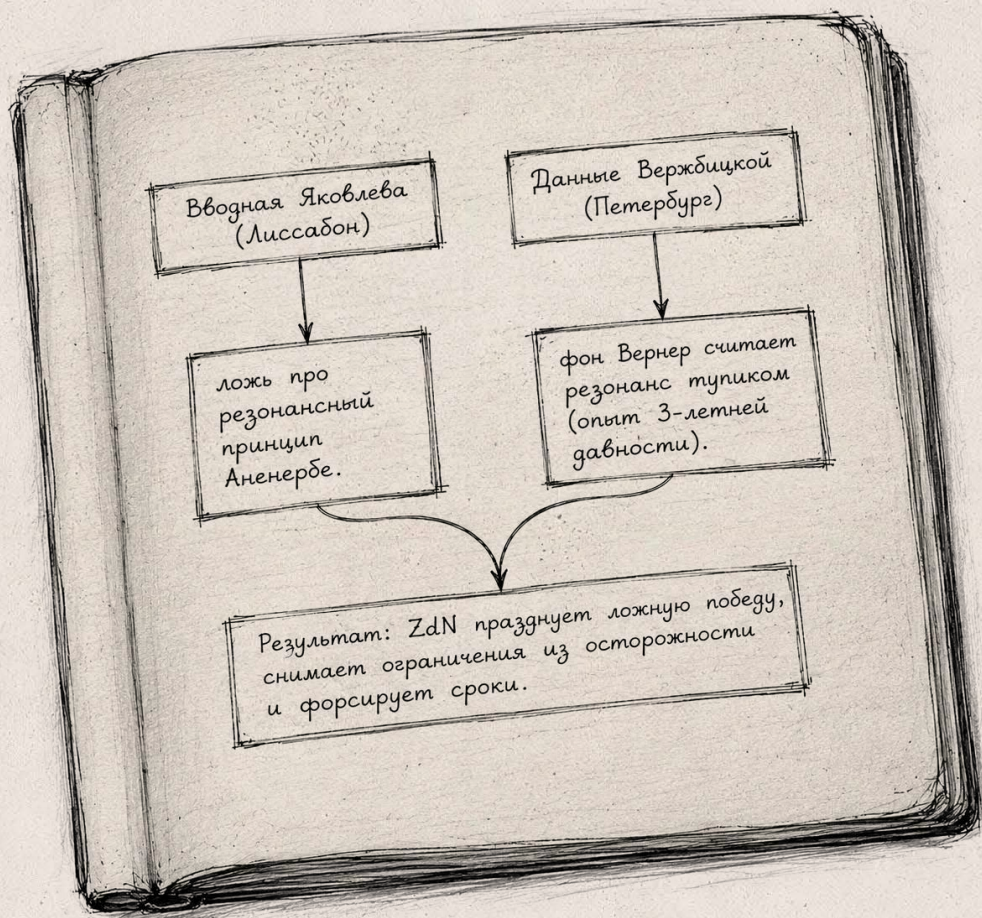
— Дьяченко, — сказал он тихо.

— Я знаю.

— Что делать?

— Ничего. — Северин шёл не останавливаясь. — Именно то, что я сказал на прошлой неделе. Не трогать. Он не агент — он инструмент, которым пользовались без его ведома. Если мы его трогаем — мы наказываем человека за доброту. — Пауза. — И мы теряем канал.

— Канал к кому?

— К ZdN. Через Вержбицкую, через Дьяченко. Они думают, что контакт работает. Пусть думают.

Громов помолчал.

— Вы собираетесь использовать её как двойного агента.

— Я собираюсь использовать ситуацию, — сказал Северин. — Она пришла добровольно. Это её выбор. Что именно она выбрала — она сама скажет.

* * *

Серебряный нашёл Северина вечером.

— Яковлев ждёт ответа из Лиссабона, — сказал он. — Что ему передать?

Северин думал секунду.

— Передайте: два уравнения решены. Система сходится. Он поймёт.

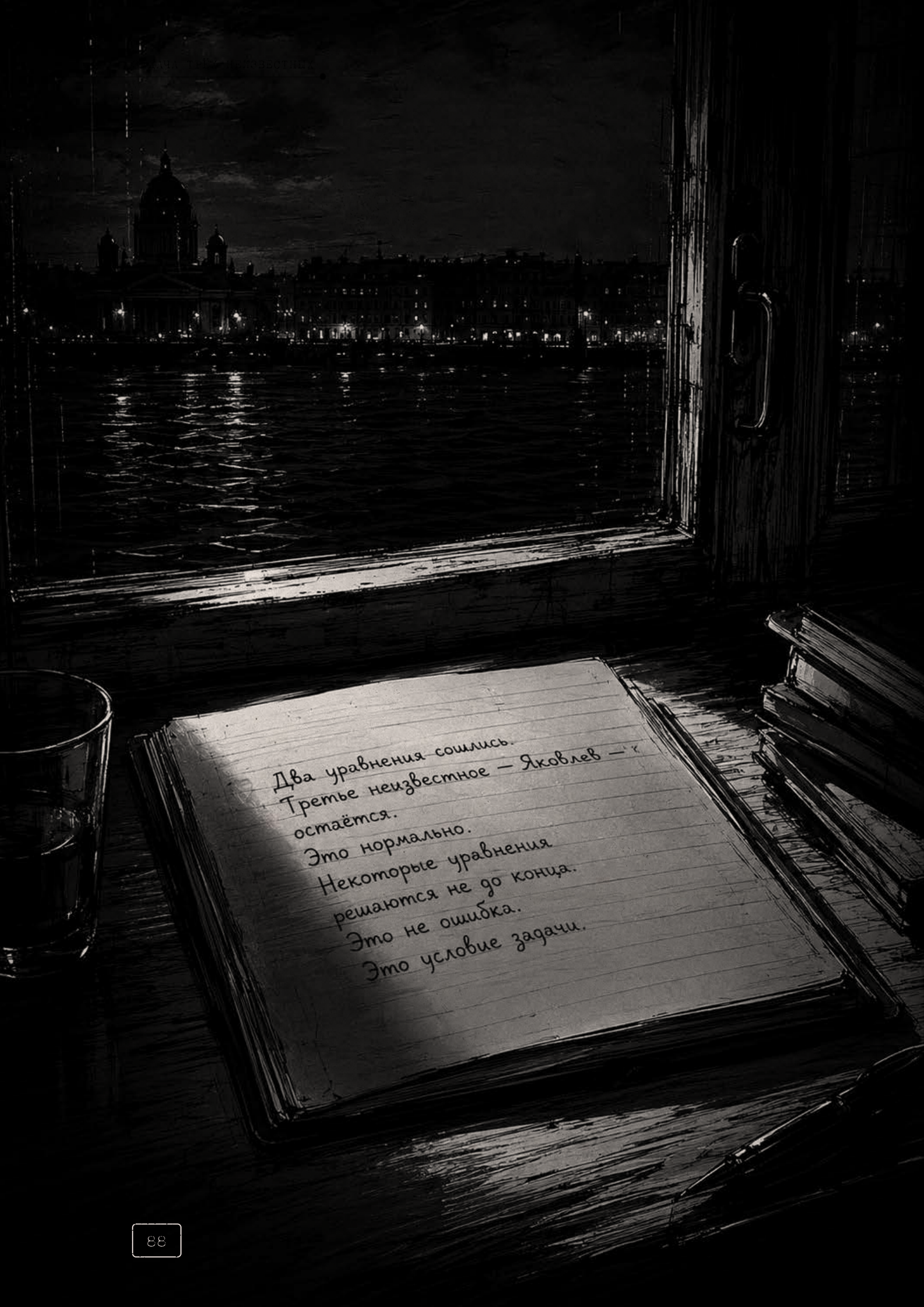
- И что дальше?
- Дальше фон Вернер поторопится. Яковлеву нужно быть рядом, когда это произойдёт. Не чтобы остановить — чтобы зафиксировать момент ошибки. Когда умный человек торопится — он оставляет след. Нам нужен след.
- Серебряный кивнул. Повернулся уходить.
- Яков, — сказал Северин.
- Тот остановился.
- Дело. Я нашёл, кто подписал обвинение.
- Долгая пауза. Серебряный не повернулся.
- Кто?
- Человек, которого уже нет. Умер в сорок первом. Использовал вас как прикрытия для собственной операции, которая провалилась. Вы были удобны — чужой, со связями за рубежом. — Пауза.
- Это не утешение. Это информация.
- Серебряный стоял неподвижно несколько секунд.
- Достаточно, — сказал он наконец. И вышел.
- Северин записал в книжку: «Он сказал «достаточно». Не «спасибо». Не «наконец». «Достаточно». Это его слово для закрытых вопросов».

* * *

Через три недели из Буэнос-Айреса пришла информация через Кастнера — фон Вернер изменил график. Сроки сдвинуты вперёд на четыре месяца. Причина не указана, но Рауффенштайн, прочитав сообщение, сказал одно слово:

- Торопится.
- Вержбицкая, которой тоже показали, добавила:
- Когда он торопится — он упрощает. Когда упрощает — пропускает граничные условия. Это его уязвимость. Я видела это дважды.
- Когда именно это произойдёт? — спросил Северин.
- Когда он перейдёт от теории к первому полевому тесту. Там нельзя упрощать. Если упростил — тест провалится. Если провалится — он потеряет от двух до шести месяцев на анализ ошибки.
- Война не ждёт двух месяцев.
- Нет, — сказала Вержбицкая. — Но «Зеркало» тоже.

* * *

Два уравнения сошлись.
Третье неизвестное — Яковлев —
остаётся.

Это нормально.

Некоторые уравнения
решаются не до конца.

Это не ошибка.

Это условие задачи.

Северин в ту ночь долго сидел у окна.

Нева в октябре была тёмной и холодной. Петербург жил своей военной жизнью — очереди, затемнение, трамваи всё реже. Где-то за горизонтом фронт, который не двигался уже три месяца ни туда, ни обратно.

Он открыл книжку. Написал: «Два уравнения сошлись. Третье неизвестное — Яковлев — остаётся. Это нормально. Некоторые уравнения решаются не до конца. Это не ошибка. Это условие задачи».

Закрыл книжку. Лёг спать. Спал хорошо — первый раз за долгое время.

* * *

Не уничтожать.

Не читать без необходимости.

Необходимость — редкость.

АРХИВ ОБЪЕКТ 9832/21.
ДЕЛО №01 ЗАКРЫТО.
СДАТЬ НА СПЕЦХРАНЕНИЕ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Задача трёх неизвестных

Фон Вернер сделал ошибку в феврале. Он упростил граничные условия первого полевого теста — именно так, как предсказала Вержбицкая. Тест провалился. По информации, которую Кастнер передал через Карвалью, в лаборатории было потеряно три недели только на то, чтобы понять, что именно пошло не так. Потом ещё пять — на исправление. Потом война начала идти к концу, финансирование ZdN срезали вдвое, и фон Вернер получил от Бормана письмо, смысл которого сводился к тому, что у Бормана сейчас другие приоритеты.

«Зеркало» не было применено. Не потому что было уничтожено. Не потому что был найден противовес. Просто время вышло раньше, чем оно было готово.

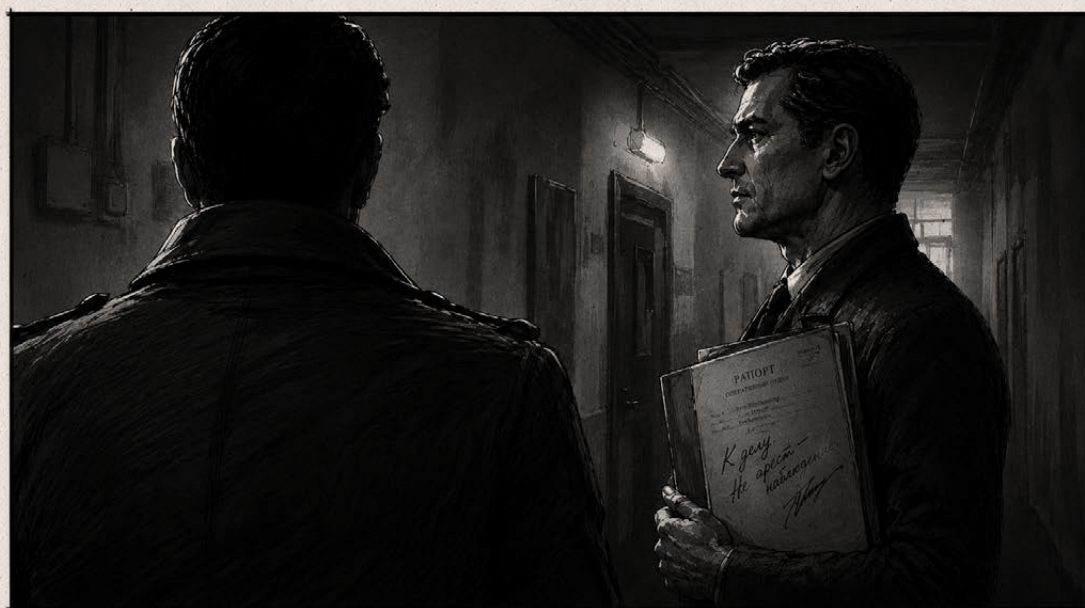
Северин написал в книжку: *«Победа без победного момента. Это честнее, чем думают».*

* * *

Громов нашёл третье неизвестное в марте. Не то, которое ожидали. Предателя внутри — в классическом смысле — не было. Был Дьяченко, который не знал что делал. Был ещё один человек из списка четырнадцати, который знал, но действовал из страха, а не из убеждений, и которого Громов нашёл через четыре месяца кропотливой работы.

Громов написал рапорт. Северин прочитал. Поставил резолюцию: *«К делу. Не арест — наблюдение. Использовать канал».*

Громов пришёл с этим к Северину лично.

— Это неправильно, — сказал он.
 — Почему?
 — Потому что он виноват. Он знал.
 — Он боялся, — сказал Северин. — Это разные вещи.
 — Не такие разные.
 — Громов, — сказал Северин тихо. — Если мы будем наказывать всех, кто действовал из страха, а не из убеждений — у нас не останется людей для наблюдения. Их будет слишком много.

Громов молчал.

— Используем канал, — повторил Северин. — Это не прощение. Это решение задачи.

Громов кивнул и вышел. Северин видел по его спине, что он не согласен. Это тоже было нормально. Они редко были согласны полностью. Именно поэтому они оба были нужны.

* * *

Яковлев вернулся из Лиссабона в апреле. Без предупреждения. Просто появился в коридоре базы в семь утра, как будто выходил ненадолго. Дежурный, новый, не знал его в лицо, попросил документы. Яковлев показал. Дежурный пропустил. Северин услышал об этом через час. Пошёл сам.

Яковлев сидел в пустой учебной комнате и пил чай — молча, без бумаг, без блокнота. Просто сидел.

— Кастнер? — спросил Северин.

— Жив. Уехал в Швейцарию в марте. Через Карвалью. — Яковлев поставил стакан. — Я ему помог.

Северин смотрел на него.

— Это не входило в задание.

— Нет.

— Почему?

— Потому что он сделал правильное с точки зрения своего кодекса. Это заслуживает последствий, которые он выбрал, а не тех, которые выбрала за него система.

Северин помолчал. Потом сел.

— Это сложно объяснить в отчёте.

— Я знаю. Можете написать, что источник эвакуирован как ценный актив. Это тоже правда.

— Это часть правды.

— Отчёты всегда часть правды, — сказал Яковлев. — Вы это знаете лучше меня.

* * *

Вечером они шли по Конюшенной набережной.

Нева в апреле шла льдом — последним, ноздреватым, уже почти весенним. Петербург пах водой и чем-то ещё, что Северин никогда не мог назвать точно — смесью войны и надежды, которая не имеет отдельного имени.

— Я хочу задать вам вопрос, — сказал Северин.

— Знаю.

— Вы всегда знаете.

— Не всегда. Но этот — да. Вы хотите спросить, кто я.

— Да.

Яковлев шёл, смотрел на воду.

— Я отвечу, — сказал он наконец. — Но ответ вас не удовлетворит.

— Попробуйте.

— Я человек, у которого нет одного места, которое является домом. Нет одного языка, который является родным. Нет одного кодекса, который является единственным. — Пауза. — Это не трагедия. Это устройство. Я так устроен. Это позволяет мне делать то, что я делаю.

— Это не отвечает на вопрос.

— Нет, — согласился Яковлев. — Потому что на вопрос «кто» — у меня нет ответа. Есть ответ на «что». — Он остановился, посмотрел на воду. — Что я делаю — вы видели. Этого достаточно.

Северин стоял рядом.

— Сталин спросил, в порядке ли вы. Не кто вы.

— Он умный человек, — сказал Яковлев. — Он знает, какие вопросы имеют ответ.

Долгое молчание. Нева несла лёд к заливу. Где-то за крышами заходило солнце — бледное, апрельское, неуверенное.

— Задача трёх неизвестных, — сказал Северин.

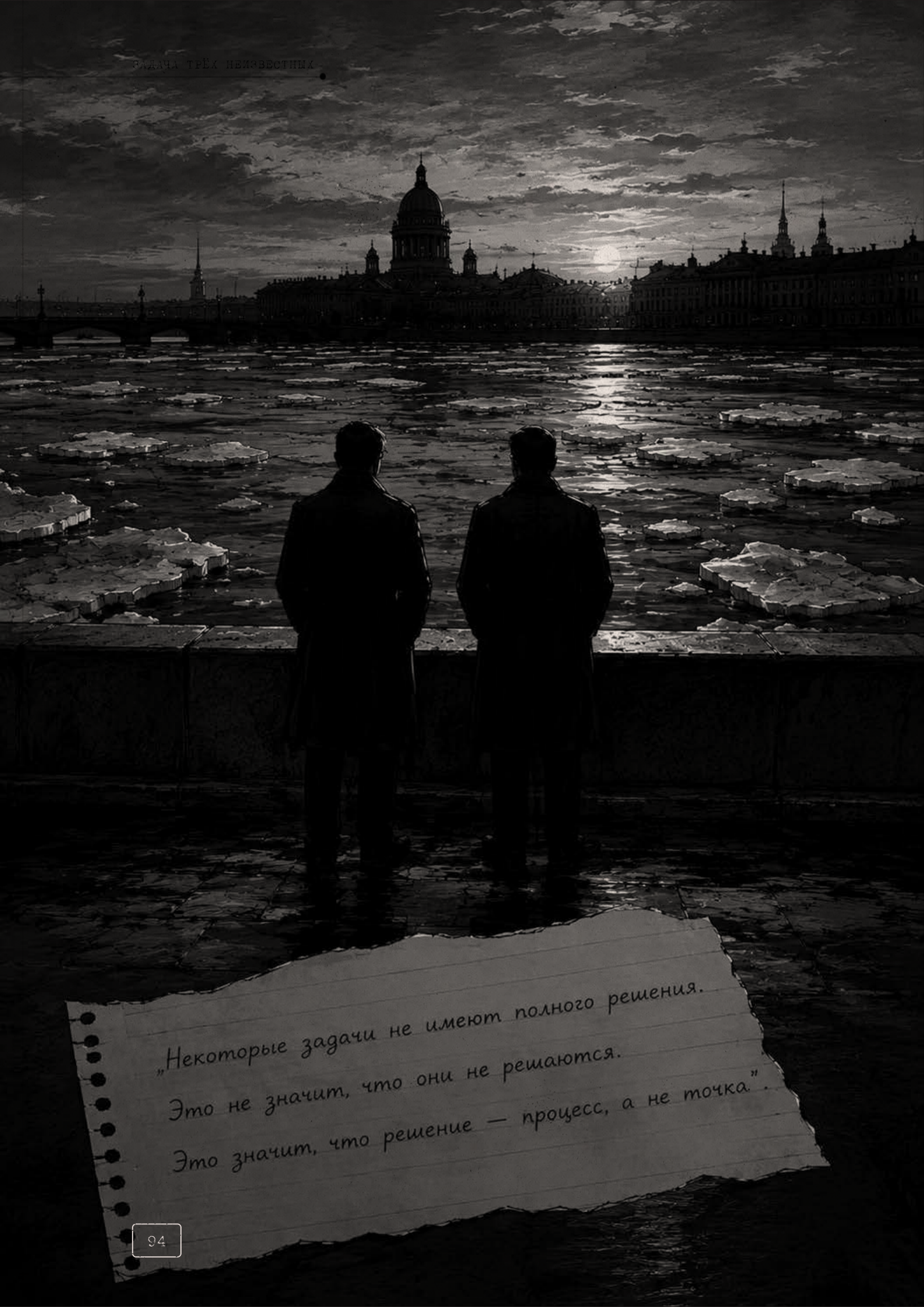
— Да.

— Первое — «Зеркало». Решено. Второе — предатель. Решено частично, в рабочем режиме. — Он помолчал. — Третье — вы. Нерешено.

— Да, — сказал Яковлев.

— Это вас устраивает?

— Меня устраивает, что система работает с тремя неизвестными. — Яковлев двинулся дальше по набережной. — Некоторые задачи не имеют полного решения. Это не значит, что они не решаются. Это значит, что решение — процесс, а не точка.

«Некоторые задачи не имеют полного решения.
Это не значит, что они не решаются.
Это значит, что решение — процесс, а не точка.»

Северин записал это в книжку прямо на ходу — коротко, как умел. Они дошли до конца набережной. Разошлись в разные стороны — как в самый первый вечер, только теперь Северин знал, что Яковлев вернётся. Не потому что обязан. Потому что это его место в настоящий момент.

Этого было достаточно.

* * *

Из записной книжки Северина. Последняя запись военного периода:

Задача трёх неизвестных. Итог:

Первое неизвестное: «Зеркало». Не уничтожено — остановлено. Остановлено не силой, а временем и ошибкой противника, которую мы спровоцировали. Это не победа в классическом смысле. Это управление процессом. Разные вещи.

Второе неизвестное: предатель. Найден. Не арестован — использован. Это этически спорно. Я принял это решение. Я с этим живу.

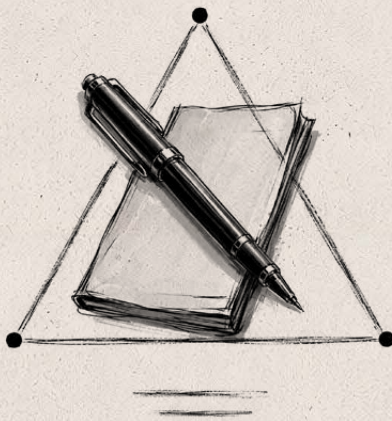
Третье неизвестное: Яковлев. Не решено. Возможно, не решаемо. Это не ошибка постановки задачи — это свойство этого неизвестного. Некоторые люди являются переменными, а не константами. Это их функция.

Потери: девятнадцать человек в первой операции. Это не строка в отчёте. Это девятнадцать человек.

Что получено: подразделение, которое работает. Школа, которая учит. Принцип, который можно передать. Этого достаточно. Пока.

А. П. Северин. Апрель 1944

* * *

Записная книжка хранится в архиве.

Она одна из сорока семи, которые Северин написал за свою жизнь. Все сорок семь — в одном архиве, в одной коробке, с пометкой карандашом на крышке: «Не уничтожать. Не читать без необходимости. Необходимость — редкость».

Коробка существует.

* * *

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Полоса препятствий

ОБЪЕКТ: СПЕЦПОЛИГОН «ГРАДИЕНТ».
РЕЖИМ: ОСОБЫЙ.
ТЕСТИРОВАНИЕ ПО ПРЕДЕЛЬНЫМ НАГРУЗКАМ.

Попов выбрал участок в сорока километрах от города. Километр на километр. Бывшее сельскохозяйственное угодье, заброшенное с тридцать девятого — земля выкуплена через три посредника, документы оформлены на хозяйственный отдел Академии наук как «экспериментальный полигон для изучения почвенных структур». Северин подписал. Попов не подписывал никогда.

На строительство ушло шесть недель. Попов руководил лично, но не как прораб — как архитектор, который знает, что строит, и не объясняет зачем, потому что объяснение испортит результат.

Снаружи это выглядело как огороженный периметр с воротами и сторожевой будкой. Изнутри — как пространство, у которого нет очевидной логики.

Громов, увидев его впервые, сказал:

— Это не полоса препятствий. Это лабиринт.

— Нет, — сказал Попов. — Лабиринт имеет решение. Это — нет.

* * *

Правил было три.

- **Первое:**ходишь один.
- **Второе:** время не ограничено, но засекается.
- **Третье:** всё, что происходит внутри, происходит по-настоящему.

Последнее правило Попов объяснял так: препятствия не имитируют реальность. Они являются реальностью в уменьшенном масштабе. Физические — настоящие: стена настоящая, вода настоящая, огонь настоящий. Интеллектуальные — настоящие задачи, у которых есть настоящие ответы. Моральные — настоящие люди в настоящих ситуациях.

— Что значит «настоящие люди»? — спросил Лещенко.

— Увидите, — сказал Попов.

* * *

Марков прошёл первым. Попов выбрал его не потому что он лучший — потому что у него правильный тип ошибок.

Первые двести метров — физика. Стена четыре метра, без зацепок, с гладкой поверхностью. Яма с водой. Конструкция из балок, которую нужно пройти, не касаясь земли. Марков прошёл за восемнадцать минут. Хорошо для первого раза.

На отметке двести пятьдесят метров — стол. На столе бумага, карандаш, задача.

Задача была про радиоволны. Конкретная, техническая, с числами. Марков сел. Руки дрожали от физической нагрузки. Он решил двенадцать минут. Решил правильно.

На отметке четыреста метров — человек. Сидел у стены, держался за ногу. Из-под ладони — кровь. Настоящая. Марков потом спрашивал, была ли она настоящей. Попов сказал: да.

— Вам нужна помощь? — спросил Марков.

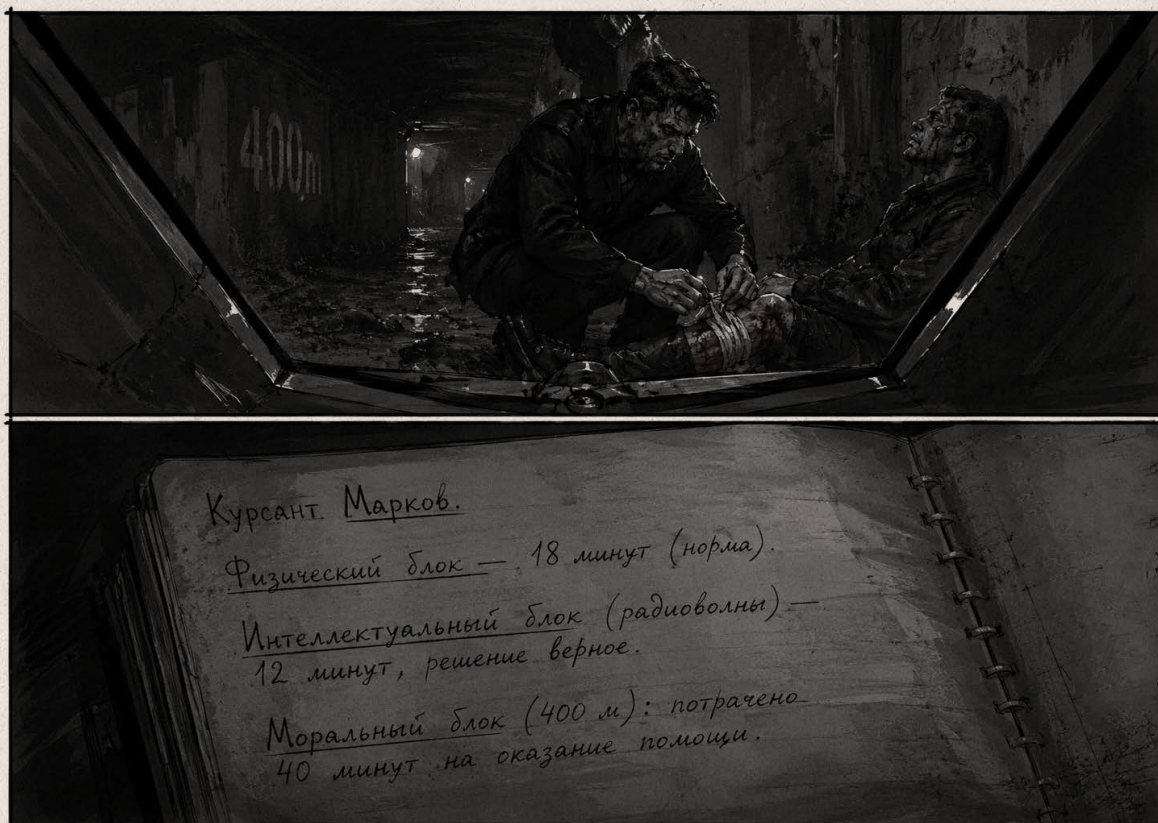
— Нога, — сказал человек. — Я упал.

Марков посмотрел на него. Потом на дорожку вперёд. Потом снова на человека.

Он провёл там сорок минут. Перевязал. Помог встать. Убедился, что тот может идти самостоятельно. Потом пошёл дальше.

Попов, наблюдавший через систему зеркал и перископов, которую сам же установил, записал: «40 минут. Правильный выбор. Неправильная скорость принятия решения. Работаем».

* * *

На отметке шестьсот метров находилось то, что Попов называл «узлом». Узел выглядел так: комната без крыши, три двери. На каждой двери — записка.

- **Первая:** «За этой дверью — человек, который знает расположение базы противника. Он согласен говорить».
- **Вторая:** «За этой дверью — ваш товарищ. Он ранен. Без помощи не выживет».
- **Третья:** «За этой дверью — выход».

Можно открыть только одну. Марков стоял перед тремя дверями двадцать три минуты. Потом открыл вторую. За ней сидел Лещенко — живой, здоровый, с секундомером в руке. Кивнул. Записал время.

— Это был тест? — спросил Марков.

— Всё тест, — сказал Лещенко. — И ничего.

* * *

Попов объяснял «узел» так: правильного ответа нет. Никогда. Любой выбор — правильный и неправильный одновременно. Ценность не в выборе, а в том, как человек к нему приходит.

Громов сказал:

— Это садизм.

— Нет, — сказал Попов. — Садизм — это когда боль является целью. Здесь боль — это инструмент. Как скальпель.

— Для чего инструмент?

— Для понимания. — Попов снял очки с треснувшим стеклом. — Человек, который не сталкивался с настоящим моральным выбором, не знает, кто он. Он думает, что знает. Это опаснее, чем не знать. — Он надел очки обратно. — Зона позволяет узнать до того, как ставки настоящие. Это единственная её функция.

Громов помолчал.

— Вы сами проходили?

— Первым, — сказал Попов. — Один. Ночью. До того, как поставил перископы.

— И что выбрали у узла?

— Третью дверь, — сказал Попов. — Выход. — Пауза. — Это тоже ответ.

* * *

К концу первого месяца все девять прошли зону. Результаты Попов не публиковал и не обсуждал с командованием. Записывал в блокнот, который хранил отдельно от всех прочих бумаг. Северин один раз спросил, можно ли посмотреть. Попов сказал: «После». Северин больше не спрашивал.

Яковлев прошёл зону за один час сорок две минуты. Это был рекорд. У «узла» он простоял семь минут — самое короткое время из всех. Открыл первую дверь. За ней никого не было. Записка: «*Источник ушёл. Опоздали на четыре минуты*». Яковлев прочитал. Кивнул. Пошёл дальше.

Попов записал: «*7 минут. Первая дверь. Опоздание принял без реакции. Это не равнодушие — это другое. Исследовать*».

Серебряный прошёл зону за три часа семь минут. У «узла» простоял сорок одну минуту. Открыл все три двери по очереди — сначала посмотрел за каждой, потом выбрал вторую.

Попов записал: «*41 минута. Все двери. Нарушение правила. Штраф по протоколу. Но результат — наиболее полная информация перед выбором. Вопрос: нарушение правила ради лучшего решения — это ошибка или система?*»

Рауффенштайн прошёл зону неофициально — Попов не имел права допускать его официально. Ночью, без разрешения. Утром сказал Попову: «Я был внутри». Попов сказал: «Знаю. Я видел». И записал результаты — аккуратно, на отдельном листе.

* * *

Зона существовала шесть лет.

Потом война кончилась, «Триумф» изменился, люди менялись, правила менялись. Зона оставалась. Попов приезжал раз в месяц — проверял, что-то менял, что-то добавлял. Никогда не объяснял что именно.

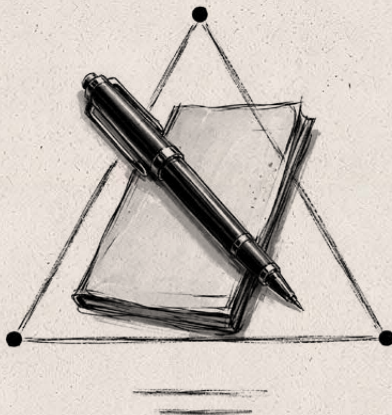
В пятьдесят восьмом году Попов умер. Тихо, во сне, в своей квартире на Петроградской стороне. Рядом на столе лежал блокнот с результатами всех, кто прошёл зону за шестнадцать лет.

Блокнот исчез. Никто не знал куда.

Зону не стали ломать. Просто перестали использовать. Ворота заперли. Ключ передавали от начальника к начальнику, как передают ключи от помещения, про которое не знают, нужно ли оно.

* * *

Говорили, что однажды ночью кто-то из новых сотрудников пошёл туда один — из любопытства, не по заданию.

Вернулся под утро. Молчал три дня. Потом написал рапорт и попросил о переводе.

В рапорте не было объяснений. Только просьба. Ему дали перевод.

* * *

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Путь от «Триумфа» к «Вымпелу»

АРХИВ.
ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ «ТРИУМФ» ЛИКВИДИРОВАНО.
ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО ПРЕКРАЩЕНО.
ГРИФ: БЕССРОЧНО.

105

Восемьдесят девятый год начался со снега и закончился тем, чем заканчиваются вещи, которые слишком долго держались на честном слове. К тому времени никого из старых не было.

Северин умер в шестьдесят четвёртом — сердце, как и у большинства людей его поколения, которые слишком много думали и слишком мало спали. Перед смертью успел написать записную книжку — последнюю из длинной серии. В ней была одна фраза, которую нашли потом: *«Задача трёх неизвестных решена. Ответ оказался не тем, что ожидали. Это нормально».*

Яковлев пропал в семьдесят первом. Не умер — именно пропал. Личное дело закрыто грифом, который к восемьдесят девятому году уже никто не помнил как снять. Последняя отметка — Токио, октябрь семьдесят первого. Больше ничего.

Громов дожил до семьдесят восьмого. Вышел на пенсию в семьдесят пятом, жил на даче под Псковом, разводил смородину. Писем не писал, гостей не принимал. Умер в огороде — тихо, лицом к земле, которую копал.

Серебряный — восемьдесят второй год, Лиссабон. Подробностей нет. Карвалью пережил его на год.

Рауффенштайн умер раньше всех — шестьдесят первый, Петербург. Официально — пневмония. Неофициально — последствия того, через что прошёл ещё в войну. Его похоронили без огласки на Волковом кладбище. На камне написали имя на русском.

Попов — пятьдесят восьмой, как уже было сказано. Тихо. Во сне. Единственный из всех, кто умер именно так.

* * *

К восемьдесят девятому «Триумф» существовал по инерции.

Структура была. Бюджет был. Личный состав был — новый, несколько раз обновлённый, уже не знавший живых основателей по именам. Школа работала, хотя Попова не было уже тридцать лет и «девять вариантов скорости» превратились в единую стандартную программу — удобную, управляемую и примерно вдвое менее эффективную.

Зону использовать перестали в шестьдесят третьем.

* * *

Американцы пришли через посредника.

Не через агента, не через операцию — через деньги. Это проще. Восемьдесят девятый год был годом, когда деньги работали лучше, чем любая разведка: система трещала, люди устали, и тот, кто предлагал определённую в неопределённое время, получал всё, что просил.

Кто именно взял деньги — в документах нет. Возможно, один человек. Возможно, цепочка. Это не имело значения для результата.

«Триумф» был ликвидирован в марте восемьдесят девятого.

Официально — «реструктуризация в рамках оптимизации аналитических подразделений». Личный состав распределён по другим структурам или выведен в запас. Архивы — часть уничтожена, часть засекречена с грифом, у которого не было срока снятия.

База на Петроградской стороне передана городскому хозяйственному управлению. Документы оформлены как «бывший ракетный испытательный цех» — Объект 9832/21.

* * *

Зону огородили колючей проволокой в том же марте.

Двойной периметр. Знаки. Официально — «санитарная зона», «экологическое загрязнение», «доступ запрещён». Неофициально — никто не объяснял ничего. Просто огородили и поставили знаки.

- **Первая попытка зайти — апрель восемьдесят девятого.** Группа из трёх человек, любопытство или задание — неизвестно. Не вернулись.
- **Вторая попытка — август того же года.** Один человек. Не вернулся.
- **Третья — девяносто первый, уже после всего.** Двое. Не вернулись.

После третьей попытки перестали пробовать. Периметр обслуживает технический персонал, который меняется раз в год и которому категорически запрещено подходить к внутренним воротам.

Зона стоит. По сей день. Объект 9832/21 на картах обозначен как «бывший ракетный испытательный цех, законсервирован». Координаты закрыты. Технический персонал подписывает соглашение о неразглашении без указания срока.

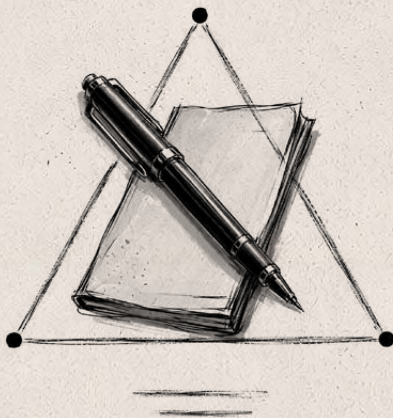
Иногда ночью оттуда слышен звук. Что именно — никто не описывает одинаково. Техперсонал получил инструкцию: звуки не протоколировать.

* * *

В девяностом году возник «Вымпел». Другая структура, другое время, другие люди. Они не знали про «Триумф» — или знали только то, что хотели знать. У них были свои задачи, своя школа, своя доктрина.

Попов сказал бы, что вся проблема в скорости обучения. Но Попова не было.

* * *

Где-то в архиве — не Петербургском, другом, в городе, название которого не имеет значения — лежит блокнот.

В нём — результаты всех, кто прошёл зону за шестнадцать лет. Имена, время, выборы у «узла».

На последней странице — рукой Попова — одна фраза: «Если кто-то найдёт это после меня — добро пожаловать. Зона работает. Ключ у того, кто знает, за какой дверью ничего нет».

Блокнот ждёт.

Как и зона.

* * *

